Джулиан Барнс
АРТУР
И
ДЖОРДЖ
Тонкий юмор,
отменная наблюдательность,
энергичный слог –
вот чем Барнс давно пленил
нас и продолжает пленять.
The Independent
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

Большой роман

Джулиан Барнс

Артур и Джордж

«Азбука-Аттикус»
2005

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Барнс Д. П.

Артур и Джордж / Д. П. Барнс — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-13565-9

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс – один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Англия, Англия», «Попугай Флобера», «Любовь и так далее», «История мира в 10 1/2 главах» и многих других. Возможно, основной его талант – умение легко и естественно играть в своих произведениях стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство – Барнсу подвластно все это и многое другое. В романе «Артур и Джордж» – вошедшем, как и многие другие книги Барнса, в шорт-лист Букеровской премии – следствие ведет сэр Артур Конан Дойл собственной персоной. Литературный отец Шерлока Холмса решает использовать дедуктивный метод в расследовании самого скандального дела поздневикторианской Англии – дела о таинственном убийстве скота на фермах близ Бирмингема. Его цель – доказать, что обвиняемый в этом преступлении провинциальный юрист Джордж Эдалджи невиновен. Так насколько же действенны методы Шерлока Холмса в реальности? В 2015 году на телеканале Би-би-си вышла одноименная экранизация (режиссер Стюарт Орм, в ролях Мартин Клунес, Аршер Али, Чарльз Эдвардс, Хэтти Морахэн, Эмма Филдинг). Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13565-9

© Барнс Д. П., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Часть первая 9
Часть вторая 43
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Джулиан Барнс
Артур и Джордж

Julian Barnes
ARTHUR & GEORGE

Серия «Большой роман»

Copyright © 2005 by Julian Barnes
All rights reserved
© Е. Петрова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог – вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.
The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.
The Scotsman

Джулиан Барнс – хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.
The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос… Опять и опять он изобретает велосипед.
Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.
The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.
New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати – это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.
Российская газета

Тонкая настройка – ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом – в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как

выразится один из его героев, на диво немногословно… В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская (Psychologies)

Во всей этой детективной истории, несомненно, есть нечто шерлок-холмсовское – но Барнс строго контролирует степень этого «нечто»; Дойл работает Холмсом в барнсовском детективе, и поэтому атмосфера здесь именно барнсовская – а не шерлок-холмсовско-конан-дойловская; дьявольская разница.

Тем, кто знает, кто такой Барнс, нет смысла объяснять, как гармонично могут выглядеть его романы; и это произведение не исключение… «Артура и Джорджа» можно квалифицировать как биографию Конан Дойла, как исторический роман, как детектив, как судебную драму – галочку поставите там, где надо, сами. В действительности, как всегда у Барнса, это вещь про то, что вымышленная история оказывается достовернее засвидетельствованных фактов, что литература более правдива, чем официальное расследование, результаты которого подтверждены судом и правительством.

Лев Данилкин (Афиша)

Роман Джулиана Барнса «Артур и Джордж» представляет собой пример книги и приятной и полезной. Приятной – потому что Барнсу свойственна легкая и увлекательная манера письма, способная скрасить хоть длинный перелет, хоть бессонную ночь, а также незатейливая, но щекочущая нервы ироничность. Полезной – потому что «Артур и Джордж» – книга познавательная. Читатель узнает не только о нравах поздневикторианской Англии, но и о реальных событиях, в которых был замешан не кто-нибудь, а Артур Конан Дойл.

Коммерсантъ-Weekend

Написав «Артура и Джорджа», Барнс не только явил нам байопик об Артуре Конан Дойле, но и предпринял еще один, возможно самый глубокий, экскурс в недра загадочной английской души. Перед нами исследование сути «английскости». Одним текстом Барнс решил ответить на множество вопросов разом. Получилась своеобразная энциклопедия нравов. Многослойный роман о долге и невиновности, правде и вымысле, любви и чести.

Книжная витрина

На русский язык перевели новую книгу знаменитого прозаика, «британского Умберто Эко», – «Артур и Джордж». На сей раз поклонник Флобера и мастер изложить библейский сюжет устами (жвалами?) жучка-древоточца взялся за легенду детективного жанра – Артура Конан Дойла. В новой книге Барнса создатель Шерлока Холмса, подобно своему герою, берется за расследование преступления, которое якобы совершил робкий молодой юрист по имени Джордж.

Известия

Автор книги ненавязчиво подталкивает читателя к выводу: литература может быть точным или кривым (по выбору автора) зеркалом жизни, но вот организовать жизнь по законам литературы чаще всего не удается

вовсе. Стерев границу между детективным произведениям, где возможна мера условности, и реальностью, Конан Дойл взял на вооружение методы Великого Сыщика. И невольно заигрался.

Роман Арбитман (Волга)

Пожалуй, помимо темы вины и невиновности, духовных поисков, национальной идентичности, границ реальности и литературы, надо упомянуть еще тему памяти. По признанию автора, история Эдалджи заставила его задуматься, почему одних людей помнят долго, а других тотчас забывают. На процессе обвинитель заявляет, что мотивом преступлений, якобы совершенных Джорджем Эдалджи, было желание обрести известность. Избегавший шумихи Джордж со временем начинает досадовать, что его слава – сомнительная слава жертвы судебной ошибки – меркнет. Англия забывает его. Джордж считает, что за свои страдания заслуживает большего. И Джулиан Барнс с ним согласен. Пусть спустя сто лет, но справедливость восстановлена. Имя скромного юриста теперь запомнят все.

Иностранная литература

Посвящается П. К.

Часть первая
Начала

Артур

Ребенку хочется посмотреть. С этого все начинается; точно так же началось и в тот раз. Ребенку захотелось посмотреть.

Он уже научился ходить и смог дотянуться до дверной ручки. Без особой, в общем-то, цели, просто из детского инстинкта первооткрывателя. Раз есть дверь, нужно ее толкнуть; вошел, застыл; огляделся. Никто за ним не следил; он развернулся и вышел, старательно затворив за собой дверь.

Увиденное стало для него самым ранним воспоминанием. Мальчонка, комната с кроватью, пробивающийся сквозь задернутые шторы послеполуденный свет. Прежде чем он поведал миру свою историю, минуло шесть десятилетий. Сколько же раз он проговаривал текст про себя, чтобы выстроить и подогнать простые слова, на которых в итоге остановил свой выбор? Сомнений нет: зрелище виделось ему столь же четко, как в тот памятный день. Дверь, комната, свет, кровать, а на кровати – «бело-восковое нечто».

Ребенок и труп: в Эдинбурге того времени подобные сцены были, вероятно, нередки. Из-за высокой смертности и стесненных жилищных условий дети постигали жизнь рано. Семья была католическая; на кровати покоилось тело бабки Артура, некой Кэтрин Пэк. Не исключено, что дверь оставили незапертой намеренно. Быть может, хотели приобщить ребенка к трагедии смерти; или, выражаясь более оптимистично, внушить, что смерти бояться не следует. Ясно же, что бабушкина душа улетела на небеса, оставив на земле только ненужное, бренное тело. Мальчик хочет посмотреть? Что ж, пускай смотрит.

Наедине в затемненной комнате. Дитя и мертвое тело. Внук, который только что, с обретением памяти, вышел из состояния неодушевленности, и бабка, которая, утратив те способности, что развивались у мальчика, вернулась в упомянутое состояние. Ребенок смотрел в упор; много лет спустя точно так же смотрел в упор мужчина. Что представляло собой это «бело-восковое нечто», вернее, что представляла собой чудовищная перемена, оставившая по себе только «нечто», – этот вопрос приобрел для Артура первостепенное значение.

Джордж

У Джорджа самых ранних воспоминаний нет, а к тому моменту, когда, по всем меркам, положено ими обзавестись, выясняется, что время упущено. Ну не помнит он, что происходило определенно раньше всего остального: как его брали на руки, ласкали, поддразнивали, шлепали. Есть смутное ощущение, что некогда он был единственным ребенком в семье, и твердая уверенность, что нынче существует еще и Хорас, но тот поворотный, тревожный момент, когда ему предъявили братика, что было равносильно изгнанию из рая, не запечатлелся в памяти. Ни самого первого зрелища, ни самого первого запаха, будь то мамин парфюмерный аромат или едкость служанкиной карболки.

Мальчик растет застенчивым, серьезным, чутким к ожиданиям других. Порой ему кажется, что родительских ожиданий он не оправдывает: сознательный ребенок должен помнить, какой заботой был окружен буквально с первого дня. Но родители никогда не упрекают его за это упущение. Кстати, если другие дети сами исправляют подобный недочет, целенаправленно вбивая себе в голову нежное лицо мамы или надежное отцовское плечо,

то Джорджу это несвойственно. Прежде всего, фантазии не хватает. То ли он никогда ею не обладал, то ли родители зарубили ее на корню какими-то своими действиями – ответы на эти вопросы можно найти лишь в специализированном, покуда не написанном разделе психологии. Джордж не глух к историям, которые приходится слышать: про Жанну д'Арк, Давида и Голиафа, Поклонение волхвов, но сам, вообще говоря, лишен способностей к сочинительству.

Никакой вины он за собой не чувствует, поскольку родители не считают это недостатком. Говоря про кого-нибудь из деревенских ребятишек, что тот «сочиняет», они, безусловно, выражают свое неодобрение. На этой же шкале, только еще ниже, стоят «выдумщик» и «враль»; но самый скверный ребенок – это «отъявленный лжец»: к такому на пушечный выстрел приближаться нельзя. Самого Джорджа никогда не призывают говорить правду: в противном случае можно было бы подумать, что его требуется понукать. Дело обстоит проще: правду надо говорить потому, что в доме приходского священника иного не дано.

«Аз есмь путь и истина и живот»; он нередко слышит это из отцовских уст. Дорога, правда, жизнь. Ты идешь по жизни своей дорогой и говоришь правду. Джордж знает, что библейское изречение несет иной смысл, но на первых порах толкует его именно так.

Артур

Расстояние от дома до церкви было данностью, зато в каждой из двух конечных точек присутствовало, рассказывалось и предписывалось нечто свое. В стылом каменном храме, куда он ходил раз в неделю, чтобы, стоя на коленках, помолиться, присутствовали Господь Бог, Иисус Христос, Двенадцать апостолов, Десять заповедей и Семь смертных грехов. Все строго упорядочено, раз и навсегда перечислено и пронумеровано, вкупе с псалмами, молитвами и библейскими стихами.

Он понимал: это и есть выученная назубок истина, но более созвучной его воображению оказывалась другая, параллельная версия, усвоенная в домашней обстановке. Мамины истории тоже повествовали о стародавних временах и тоже учили его различать добро и зло. Стоя у кухонной плиты и помешивая овсянку, мама, бывало, уберет волосы за уши, а он уже ждет, когда она постучит черенком поварешки о край кастрюли, помолчит, а затем обратит к нему свое круглое, улыбчивое лицо. И тогда взгляд серых маминых глаз возьмет его в плен, а голос ее полетит по дуге, то взмывая кверху, то опускаясь, и под конец замедлится, едва ли не прервется – в тот самый миг, когда сладостная мука или радость ожидания нахлынет не только на героя и героиню, но и на слушателя.

«И тут рыцаря подняли над ямой, где шипели и брызгали ядом змеи, что кишели среди белых костей прежних жертв…»

«И тут жестокосердый злодей с гнусными проклятьями выхватил из-за голенища спрятанный кинжал и двинулся на беззащитного…»

«И тут дева вытащила из прически шпильку, и золотистые пряди заструились из окна, лаская стену замка, все ниже и ниже, чтобы почти коснуться изумрудной травы в том месте, где стоял…»

Артуру, который рос подвижным и своевольным ребенком, нелегко было усидеть на месте; но стоило матушке поднять над кастрюлей поварешку, как он застывал, словно околдованный: можно было подумать, сказочный злодей подсыпал ему тайное зелье. Вот тогда-то в тесной кухоньке и появлялись рыцари со своими прекрасными дамами: здесь бросали перчатку, здесь любые поиски – о чудо! – увенчивались успехом, бряцали латы, шелестела кольчуга и превыше всего ценилась честь.

Все истории были определенным образом (хотя поначалу он не понимал, как именно) связаны со стоявшим подле родительской кровати старинным деревянным сундуком, где

хранились свидетельства происхождения их семьи. Это были совсем другие рассказы, больше напоминавшие школьное домашнее задание из истории рода герцогов Бретонских, ирландской ветви нортумберлендского рода Перси, а также некоего офицера, который возглавил бригаду Пэка в битве при Ватерлоо и приходился дядей чему-то бело-восковому, прочно засевшему в памяти. И все это скреплялось материнскими уроками геральдики. Из кухонного шкафа извлекались большие листы картона, расчерченные и раскрашенные одним из лондонских дядюшек. Мама объясняла значение гербов, а потом требовала: «Нука, опиши этот гербовый щит!» И ждала четкого, как таблица умножения, ответа: шевроны, звезды с лучами, пентаграммы, пентады, серебряные полумесяцы вкупе с их сверкающими сородичами.

Помимо усвоенных в церкви Десяти заповедей, дома он выучил еще несколько. Например, «Пред сильными бесстрашен, пред слабыми кроток» или «Рыцарствен с женщинами любого сословия – высокого или низкого». Эти заповеди казались ему даже более важными, потому как исходили непосредственно от мамы, да к тому же требовали применения на практике.

Артур далеко не заглядывал. В квартирке у них было не повернуться, матушка уставала, отец чудил. Еще в детстве Артур дал клятву, а клятвы, как известно, нельзя нарушать ни под каким видом: «Когда ты будешь совсем старенькой, мамочка, я тебе куплю бархатное платье и золотые очки, чтобы ты могла спокойно отдыхать у камина». Сегодня ему уже видится начало рассказа и счастливый конец; вот только середины пока не хватает.

За советами он обращался к своему любимому писателю, капитану Майн Риду. Пролистал «Вольных стрелков, или Приключения офицера пехоты в Южной Мексике». Проштудировал «Молодых путешественников», «Тропу войны», «Всадника без головы». Индейцы и бизоны смешались у него в голове с рыцарями в латах и пехотинцами из бригады Пэка. Но самой его любимой из всех книжек Майн Рида стали «Охотники за скальпами, или Романтические приключения в Северной Мексике». Артур толком не знал, где берутся очки в золотой оправе и бархатное платье, но подозревал, что за ними придется снарядить рискованную экспедицию в Мексику.

Джордж

Раз в неделю мать берет его с собой к двоюродному деду Компсону. Идти к нему недалеко – до низкой каменной оградки, за которую Джорджу вход заказан. Они еженедельно меняют цветы в дедовом кувшине. Дед Компсон двадцать шесть лет отслужил в приходе Грейт-Уэрли; нынче душа его на небесах, а тело на погосте. Объясняя эти подробности, мать убирает поникшие стебли, выплескивает затхлую воду и расправляет свежий, глянцевый букет. Когда разрешают, Джордж помогает набирать чистую воду. Мать говорит, что скорбеть нужно в меру, иначе будет не по-христиански, но Джорджу такое не по уму.

Когда двоюродный дед Компсон отправился на небеса, место его занял отец. Тот в свое время женился на матери, год спустя получил приход, а еще год спустя родился Джордж. Так ему рассказывают; история понятная, правдивая и счастливая, как и заведено от века. Есть мама, которая постоянно присутствует в его жизни: учит грамоте, целует на ночь; есть отец, который больше отсутствует, потому как навещает старых и немощных или пишет проповеди, которые потом читает с амвона. Есть дом и церковь, есть воскресная школа, где учительствует мать, есть сад, кошка, куры, небольшая лужайка, которую пересекает тропа от дома до церкви, и еще погост. Таков хорошо знакомый мир Джорджа.

В доме викария царит тишина. Молитвы, книги, рукоделие – это пожалуйста. Кричать нельзя, бегать нельзя, пачкотню разводить нельзя. Бывает, правда, что шум исходит от очага, а еще от ножей и вилок, если кто не умеет их правильно держать, и, конечно, от брата Хораса,

который недавно появился на свет. Но это лишь исключения из правил спокойного и надежного домашнего мира. А вот мир за пределами дома викария полон неожиданных шумов и неожиданных происшествий. К примеру, четырехлетнего Джорджа ведут на прогулку вдоль межи и знакомят с коровой. Его пугает не столько величина этой скотины и даже не набухшее вымя, что болтается на уровне его глаз, сколько хриплый вопль, беспричинно вырывающийся из ее глотки. Видно, не на шутку разозлилась корова. Джордж – в слезы, отец – за хворостину. Тогда животное поворачивается боком, задирает хвост – и давай разводить пачкотню. Джордж цепенеет при виде этого извержения, которое с завораживающим шлепком плюхается на траву и тем самым вмиг нарушает все правила. Но материнская рука тащит Джорджа прочь, не давая осмыслить странное происшествие.

Да разве одна только корова и иже с нею – лошадь, овцы, поросенок – вызывают подозрение к миру, что лежит за пределами дома викария? Джорджа настораживает многое из того, что он видит и слышит. Достаточно посмотреть, с каким лицом возвращается домой отец, и сразу станет ясно: тот внешний мир населяют старики, неимущие, хворые, и живется им – хуже некуда; понизив голос, отец еще рассказывает про каких-то «горняцких вдов», но это Джорджу не по уму. А вдобавок там обретаются выдумщики и, еще того хуже, отъявленные лжецы. Ко всему прочему, в округе есть так называемая «Угольная Шахта» – оттуда привозят уголь для камина. Уголь ему как-то не по нраву. Пахнет скверно, пылит, да еще и тишину нарушает, когда его кочергой ворочают; а как разгорится – близко не подходи. Доставкой мешков с углем занимаются дюжие, свирепого вида дядьки в кожаных шлемах, спускающихся на спину. Когда внешний мир стучит в дверь колотушкой, Джордж обычно вздрагивает. Если рассудить, наружу лучше вообще не высовываться, а сидеть дома с матерью, братом Хорасом и новорожденной сестренкой Мод, покуда не настанет срок отправиться на небо и встретиться там с двоюродным дедом Компсоном. Но Джордж подозревает, что так не получится.

Артур

Они без конца переезжали: раз шесть за первые десять лет жизни Артура. Создавалось впечатление, что каждая новая квартира теснее предыдущей, так как семья постоянно росла. У Артура были старшая сестра Аннетт, младшие сестры Лотти и Конни, младший брат Иннес, а впоследствии добавились еще сестренки Ида и Джулия (уменьшительно – Додо). Производить детей отцу удавалось на славу, а вот содержать – несколько хуже. В раннем возрасте Артур понял, что папа не сможет обеспечить матушке достойную старость, и от этого только укрепился в своем решении позаботиться об этом самостоятельно.

Глава семейства – о герцогах Бретонских сейчас речи нет – происходил из артистического рода. Талантливый, наделенный тонким религиозным чутьем, он постоянно ходил взвинченным и не отличался крепким здоровьем. В Эдинбург он приехал из Лондона в возрасте девятнадцати лет. Получил место помощника топографа в Шотландской строительной инспекции, однако слишком рано погрузился в такую среду, которая встретила его приветливо, но оказалась разгульной и пьющей. Этот тихий неудачник прятал добродушное лицо за мягкой окладистой бородой; к вопросам долга он подходил отстраненно и вообще давно сбился с жизненного пути.

Ни жестокости, ни злобы в нем не было; во хмелю он становился сентиментальным, щедрым, склонным к самобичеванию. Порой его, с замусоленной бородой, приволакивал домой кэбмен, который настырно требовал платы за свои труды и тем самым будил детей; наутро отец долго и слезливо каялся, что не способен обеспечить тех, кого так нежно любит. Однажды Артура на целый год отправили в школу-пансион, чтобы избавить от созерцания очередного этапа распада отцовской личности, но мальчик успел достаточно насмотреться,

чтобы четко представлять, каким бывает и каким должен быть мужчина. В маминых рассказах о рыцарстве и романтических чувствах не находилось места для пьяниц-иллюстраторов.

Отец Артура рисовал акварелью и вечно надеялся на прибыли от продажи своих работ. Но ему мешала широта натуры: он раздавал эти рисунки даром или в лучшем случае за сущие гроши. Выбирая неистовые, устрашающие сюжеты, отец все же нередко проявлял свое врожденное чувство юмора. Но излюбленным мотивом, которым, собственно, и запомнилось отцовское искусство, были феи.

Джордж

Джорджа отдают в сельскую школу. Его свободно повязанный бантом шейный платок, скрывающий запонку туго накрахмаленного ворота, касается верхней пуговицы жилета; сюртучок примечателен высокими, почти не скошенными лацканами. Другие мальчики не столь щеголеваты: некоторые являются на уроки в фуфайках грубой ручной вязки или в куртках с чужого плеча, донашиваемых за старшими братьями. Считаные единицы могут похвалиться крахмальными воротничками, но шейный платок, как у Джорджа, носит один лишь Гарри Чарльзуорт.

Мать научила Джорджа грамоте, отец – несложным арифметическим действиям. Всю первую неделю Джордж волею случая просидел за задней партой. В пятницу предстоит проверочное испытание, и детей рассадят по степени умственного развития: толковые мальчики будут сидеть впереди, а бестолковые сзади; наградой за успехи в учении станет возможность оказаться поближе к учителю – светочу образованности, знаний, истины. Зовут его мистер Босток; он носит твидовый пиджак, вязаный жилет и сорочку с пристежным воротником, уголки которого, прижатые галстуком, скреплены золотой булавкой. В любое время года мистер Босток ходит в коричневой фетровой шляпе, которую на уроках кладет перед собой на стол, как будто опасается выпустить из поля зрения.

На перемене мальчики выбегают, как принято говорить, в школьный двор, а по сути – на вытоптанный пятачок, откуда вдали, за открытыми полями, видны Угольные Копи. Те ребята, которые и раньше были меж собой знакомы, тут же устраивают потасовку – просто от нечего делать. Джордж никогда прежде не видел драк. Он глядит во все глаза, и тут перед ним возникает Сид Хеншоу, один из главных бузотеров. Хеншоу строит ему обезьяньи рожи: мизинцами растягивает себе рот, а большими пальцами оттопыривает уши – и давай ими шевелить.

– Приятно познакомиться, меня зовут Джордж. – Так ему наказывали говорить.

Но Хеншоу знай шевелит ушами, издавая какие-то булькающие звуки.

В классе есть фермерские сыновья, и Джорджу кажется, что от них попахивает коровой. Но большинство ребят – из шахтерских семей; у этих какой-то чудной говорок. Джордж запоминает имена однокашников: Сид Хеншоу, Артур Эрам, Гарри Боум, Хорас Найтон, Гарри Чарльзуорт, Уолли Шарп, Джон Гарриман, Альберт Йейтс…

Отец твердит, что в школе можно найти себе друзей, но Джордж плохо понимает, как это делается. А однажды утром подкрадывается к нему сзади Уолли Шарп и нашептывает:

– Ты не тутошний.

Развернувшись, Джордж говорит, как обучен:

– Приятно познакомиться, меня зовут Джордж.

В конце первой недели мистер Босток устраивает проверку по чтению, правописанию и арифметике. Результаты объявляются в понедельник утром, и учеников пересаживают. Джордж неплохо справился с чтением из хрестоматии, но правописание и арифметика подкачали. Его оставляют на задней парте. В следующую пятницу, да и через две недели ничего не меняется. Теперь он окружен фермерскими и шахтерскими сыновьями, которым

все равно, где сидеть – в заднем ряду даже еще и лучше: подальше от мистера Бостока, чтобы тот не видел их проделок. У Джорджа такое ощущение, будто его медленно, но верно теснят с пути, от истины, из жизни.

Мистер Босток стучит мелом по классной доске.

– *Вот это*, Джордж, плюс *вот это* (тук) будет… *сколько* (тук-тук)?

В глазах у Джорджа мутится, и он выпаливает наугад: «Двенадцать» или «Семь с половиной». Мальчишки за первыми партами смеются; тут даже фермерские сыновья соображают, что он дал маху, и тоже гогочут.

Мистер Босток со вздохом качает головой и спрашивает Гарри Чарльзуорта, который, сидя за первой партой, вечно тянет руку.

«Восемь», – чеканит Гарри или: «Тринадцать и одна четверть»; тогда мистер Босток дергает головой в сторону Джорджа, чтобы подчеркнуть, какую тот сморозил глупость.

Как-то раз по дороге домой из школы Джорджу случилось замарать штаны. Мать раздевает его догола, ставит в ванну, трет мочалкой, одевает в чистое и отводит к отцу. Но Джордж не может объяснить, почему в свои без малого семь лет он так осрамился, будто еще не вышел из пеленок.

Такое происходит с ним еще раз и еще. Родители не наказывают своего первенца, но их очевидное разочарование (в учебе отстает, по дороге домой опять замарался) хуже любой кары. Они обсуждают сына поверх его макушки.

– Этот ребенок пошел в тебя, Шарлотта: комок нервов.

– Но почему с ним такое происходит: у него ведь не зубы режутся?

– Простуду исключим сразу: на дворе только сентябрь.

– Кишечное расстройство – тоже: Хорас кушал все то же самое.

– Что еще можно предположить?

– Я читала, что единственной другой причиной может быть страх.

– Ты чего-нибудь боишься, Джордж?

Джордж смотрит на отца, на белоснежный пасторский воротничок, на круглое неулыбчивое лицо, на губы, которые с амвона церкви Святого Марка вещают непостижимую порой истину, на черные глаза, которые сейчас требуют истины от него. А что тут скажешь? Да, боится он и Уолли Шарпа, и Сида Хеншоу, и еще некоторых, но ябедничать негоже. Да и потом, есть кое-что пострашнее. В конце концов он говорит:

– Я боюсь остаться глупым.

– Джордж, – отвечает ему отец, – нам понятно, что ты неглуп. Мы с мамой обучили тебя грамоте и основам арифметики. Ты сообразительный мальчик. Дома с легкостью решаешь примеры, а в школе ходишь в отстающих. Ответь: почему?

– Не знаю.

– Возможно, мистер Босток учит вас как-то иначе?

– Нет, отец.

– Или ты ленишься?

– Нет, отец. Из учебника я любой пример могу решить, а с доски не получается.

– Полагаю, Шарлотта, нам придется свозить его в Бирмингем.

Артур

У Артура были дядюшки; они наблюдали распад личности своего брата и жалели его семью. Ими и было принято решение отправить Артура на учебу к английским иезуитам. В Эдинбурге его посадили в поезд; всю дорогу до Престона он, в ту пору девятилетний, проплакал. Ближайшие семь лет ему предстояло провести в Стонихерсте, и только во время

летних каникул он на полтора месяца возвращался к матушке, а в эпизодических случаях – еще и к отцу.

Выходцы из Нидерландов, иезуиты принесли с собой всю учебную программу и систему воспитания. Образование включало семь циклов: грамота, арифметика, начала общих знаний, грамматика, синтактика, поэтика и риторика, по одному году на каждый цикл. Как и в обычных частных школах, там изучали Евклида, алгебру и античных авторов; незнание их истин грозило примерным телесным наказанием. Совершалось оно посредством специального орудия, тоже вывезенного из Нидерландов и называемого «тулий»: это был кусок натурального каучука длиной и толщиной с башмачную подошву. От одного удара, наносимого с подлинно иезуитским расчетом, кисть руки распухала и багровела. Ученикам старших классов обычно назначали девять ударов по каждой руке. После этого провинившийся еле-еле поворачивал дверную ручку, чтобы выйти из кабинета, где вершилось наказание.

Тулий, как объяснили Артуру, получил свое название от созвучия с латинским глаголом. *Fero,* «я ношу, или вынашиваю». Спрягаем: *fero, ferre, tuli, latum.* Стало быть, *tuli – «я выносил»,* то бишь «тулий» – это штуковина, которую мы сами родили, так?

Юмор был жестоким, под стать наказаниям. На вопрос, кем он видит себя в будущем, Артур признался, что хочет стать инженером и строить дома.

– В инженеры ты, может, и выбьешься, – ответил священник, – а строить, уж поверь, будешь разве что козни.

Артур вымахал крупным, решительным парнем, который за успокоением шел в школьную библиотеку, а за радостями – на поле для игры в крикет. Раз в неделю мальчиков заставляли писать домой, и многие расценивали это как изощренную пытку, но Артур почитал наградой. В течение отведенного часа он изливал душу матери. Не забывая ни Бога, ни Иисуса Христа, ни Библию, ни иезуитов, ни тулий, он подчинялся и доверял главному арбитру – своей хрупкой, но властной матушке. Она для него оставалась советчицей во всех вопросах, от нижнего белья до геенны огненной. «К телу носи фланель, – наставляла она, – и не верь в муки ада».

Помимо всего прочего, матушка, сама того не ведая, научила его завоевывать авторитет. С самого начала он рассказывал своим однокашникам истории о рыцарстве и романтических чувствах, впервые услышанные им под занесенной поварешкой для овсяной каши. В ненастные часы досуга он забирался на парту, а слушатели садились в кружок на корточки. Вспоминая матушкины таланты, он умело понижал голос, затягивал свой рассказ и прерывался на самом драматическом, захватывающем эпизоде, чтобы продолжить на следующий день. Рослый и вечно голодный, за базовую единицу оплаты он принимал сдобную булочку. Но временами, умолкая в кульминационной точке, отказывался продолжать, пока не получит гонорар в размере яблока.

Так он обнаружил глубинную связь между повествованием и вознаграждением.

Джордж

Окулист не рекомендует младшим школьникам носить очки. Лучше подождать, – быть может, с возрастом зрение нормализуется само. А пока нужно пересадить мальчика за первую парту.

Из окружения фермерских сыновей Джордж перебирается к Гарри Чарльзуорту, отличнику. И с той поры на уроках больше не теряется. Он ясно видит, в какой точке барабанит по доске учительский мел, и, к слову сказать, по дороге домой никогда больше не марает исподнее.

Сид Хеншоу по-прежнему строит обезьяньи рожи, только Джорджу от этого ни жарко ни холодно. Сид Хеншоу – просто сельский дурень, который, скорее всего, даже не знает, как пишется «корова», хотя от самого коровой несет.

Однажды в школьном дворе Хеншоу с разбегу толкает Джорджа плечом, а сам, не дав ему опомниться, срывает с него галстук-бант и убегает. Слышится хохот. Перед началом урока мистер Босток спрашивает, куда делся галстук.

Джордж стоит перед трудным выбором. Он знает, что ябедничать – последнее дело. Но знает он и то, что лгать еще хуже. У отца в этом вопросе очень твердая позиция. Единожды солгав, ты ступаешь на путь греха – и остановить тебя может разве что петля, накинутая на шею палачом. Разумеется, такими словами об этом не говорят, но Джорджу видится именно так. А потому солгать мистеру Бостоку невозможно. Джордж рассчитывает как-нибудь выкрутиться (что, между прочим, тоже нехорошо: отсюда до лжи – один шаг), а потом отвечает как на духу:

– Сид Хеншоу меня толкнул и галстук сорвал.

Мистер Босток за вихры выводит Хеншоу из класса, лупит, пока тот не начинает вопить, а потом возвращается с шейным платком Джорджа и читает ученикам нотацию про воровство.

После уроков Джорджу преграждает дорогу Уолли Шарп, который, не давая себя обойти, шипит:

– Ты не тутошний.

Остается только вычеркнуть Уолли Шарпа из числа возможных друзей.

Если Джордж чего-то лишен, то в большинстве случаев сам этого не осознает. К примеру, его родные никогда не участвуют в делах сельской общины, но Джордж не понимает последствий такого отстранения, не говоря уже о причинах родительской замкнутости или несостоятельности. Сам он никогда не заходит в гости к другим ребятам, а потому не может судить, какой уклад принят в чужих домах. Его жизнь самодостаточна. Денег у него нет – и не надо, тем более что стяжательство, как он недавно узнал, корень всех зол. Игрушек тоже нет – и пусть их. Для игр требуются ловкость и зоркость, которыми он не обладает; ему даже не доводилось чертить «классики», чтобы прыгать из одного квадрата в другой; от летящего в его сторону мяча он съеживается. Его вполне устраивает по-братски гонять Хораса или, более бережно, сестренку Мод, а еще бережней – цыплят.

Для него не секрет, что у большинства мальчиков есть друзья; даже в Библии описаны Давид и Голиаф, а Гарри Боум и Артур Эрам, отойдя на кромку школьного двора – Джордж сам видел, – достают из карманов и разглядывают какие-то сокровища, но ему такое неведомо. Нужно ли ему в связи с этим что-нибудь придумать или лучше выждать, когда что-нибудь придумают другие? Да какая, в сущности, разница: главное – чтобы мистер Босток был им доволен, а лебезить перед недоумками с задних парт он не собирается.

Когда к чаю приходит двоюродная бабушка Стоунхэм, а случается это в первое воскресенье каждого месяца, она шумно скребет чашкой по блюдечку и сквозь морщинистые губы вопрошает, есть ли у Джорджа друзья.

– Гарри Чарльзуорт, – неизменно отвечает он. – Мой сосед по парте.

Услышав тот же самый ответ в третий раз, бабушка со стуком опускает чашку на блюдечко, хмурится и спрашивает:

– А еще?

– Все остальные – деревенские вонючки, – отвечает он.

По устремленному на отца взгляду двоюродной бабушки Стоунхэм он понимает, что оплошал. Перед ужином его вызывают в отцовский кабинет. Отец вытянулся у письменного стола на фоне расставленного по полкам авторитета веры.

– Сколько тебе лет, Джордж?

Распекания нередко начинаются с этого вопроса. Ответ известен обоим, но Джордж обязан произнести его вслух.

– Семь, отец.

– В этом возрасте от человека естественно ожидать некоторого уровня интеллекта и здравого смысла. Позволь спросить, Джордж: как по-твоему, в глазах Господа ты ценнее тех мальчиков, которые живут на фермах?

Ясное дело, правильно будет сказать «нет», но Джордж медлит с ответом. Неужто сын викария, который живет в доме викария и приходится внучатым племянником предыдущему викарию, не ценнее для Господа, чем глупый и вдобавок злобный мальчишка, который носу не кажет в церковь, как, например, Гарри Боум?

– Нет, – отвечает Джордж.

– Так почему же тех мальчиков ты называешь «деревенскими вонючками»?

Как тут выбрать правильный ответ? Джордж раздумывает. Правильный ответ, как ему внушили, – это ответ правдивый.

– Потому, что они такие и есть, отец.

Отец вздыхает:

– Допустим, Джордж; но почему они таковы?

– Каковы, отец?

– Дурнопахнущие.

– Потому что не моются.

– Нет, Джордж, если от них дурно пахнет, то лишь потому, что живут они в бедности. Нам, считай, повезло: у нас есть возможность покупать мыло, принимать ванну, спать на свежем белье, а не соседствовать с домашней скотиной. А те мальчики – смиренные земли[1]. Вот и ответь, кого Господь любит больше: смиренных земли или исполненных гордыни?

Этот вопрос уже полегче, хотя Джордж не вполне согласен с ответом.

– Смиренных земли, отец.

– Блаженны кроткие[2], Джордж. Тебе известен этот стих.

– Да, отец.

Но что-то в душе Джорджа противится такому заключению. Не может он считать Гарри Боума и Артура Эрама кроткими. Равно как и не может поверить, что, согласно вечному Божьему промыслу, Гарри Боум и Артур Эрам когда-нибудь унаследуют землю. Против этого восстает присущее Джорджу чувство справедливости. Они всего лишь деревенские вонючки, в конце-то концов.

Артур

В Стонихерст-колледже предложили компенсировать стоимость образования Артура, если он начнет готовиться к принятию сана, но матушка отказалась. Артур вырос честолюбивым и вполне способным к лидерству; его уже прочили в капитаны команды по крикету. Однако матушка не видела своих детей в роли духовных наставников. В свою очередь, Артур понимал, что не сможет обеспечить маме обещанные очки в золотой оправе, бархатное платье и отдых у камина, если обречет себя на бедность и послушание.

По его оценкам, иезуиты были ничем не плохи. Они считали, что человек по натуре слаб, и Артуру их подозрения виделись оправданными: взять хотя бы его родного отца. Кроме того, они понимали, что греховность уходит корнями в детство. Мальчикам запрещалось уединяться; гуляли они только в сопровождении учителя; по ночам темная фигура

[1] Книга пророка Софонии, 2: 3.

[2] Евангелие от Матфея, 5: 5.

совершала обход дортуаров. Не исключено, что постоянный надзор мог подорвать всякую инициативу и самоуважение; зато безнравственность и грязь, процветавшие в других учебных заведениях, здесь свелись к минимуму.

В общем и целом Артур верил, что Бог существует, что мальчишки падки на все греховное и что в воспитательных целях святые отцы вправе использовать тулий. Что же касалось отдельных догматов веры, он обсуждал их накоротке со своим другом Партриджем. Впервые Партридж поразил его во время матча: как полевой игрок, он непостижимым образом поймал мяч после одного из самых мощных бросков Артура, в мгновение ока сунул в карман и развернулся, делая вид, что провожает глазами мяч, улетевший за пределы поля. Партридж мог обвести вокруг пальца кого угодно, причем не только в крикете.

– Известно ли тебе, что концепция непорочного зачатия была причислена к догматам веры совсем недавно: в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году?

– Поздновато, я бы сказал, Партридж.

– Да, представь себе. Дебаты велись на протяжении веков, и все это время отрицание непорочного зачатия не считалось ересью. А теперь считается.

– Хм.

– Итак: почему вдруг Рим задним числом принизил роль биологического отца в таком событии?

– Погоди-ка, дружище.

Но Партридж уже перешел к догмату о папской непогрешимости, провозглашенному только пятью годами ранее: с какой стати всем папам прошлых веков по умолчанию приписываются слабости, в отличие от пап настоящего и будущего? В самом деле, почему? – эхом повторил Артур. Да потому, ответил Партридж, что это скорее вопрос церковной политики, нежели достижений богословия. Все объясняется тем, что высокие посты в Ватикане захватили влиятельные иезуиты.

– Ты послан мне, чтобы испытывать мою веру, – говорил порой Артур.

– Напротив. Я здесь для того, чтобы укреплять твою веру. Мыслить себя внутри Церкви – это путь истинного послушания. Когда Церковь чувствует какую бы то ни было угрозу, она отвечает ужесточением дисциплины. В краткосрочной перспективе это себя оправдывает, а в расчете на будущее – нет. Совсем как тулий. Сегодня тебя наказали – и день-два ты не будешь грешить. Но абсурдно было бы утверждать, что, памятуя об этом наказании, ты больше не согрешишь никогда в жизни, согласен?

– А если наказание подействовало?

– Да через год-другой нас уже здесь не будет. Тулий сгинет. Человека нужно учить сопротивляться греху и злодейству с помощью доводов разума, а не страха перед физической болью.

– Подозреваю, что на некоторых доводы разума не действуют.

– Для таких единственное средство – тулий. То же касается и мирского уклада. Естественно, ему необходимы тюрьмы, каторжные работы, палачи.

– Но Церковь, по-моему, сильна. Разве ей что-нибудь угрожает?

– Наука. Распространение скептицизма. Распад папских владений. Утрата политического влияния. Грядущий двадцатый век.

– Двадцатый век. – Артур немного поразмыслил. – Я так далеко не загадываю. Новый век я встречу сорокалетним.

– И капитаном сборной Англии.

– Это вряд ли, Партридж. Но уж точно не священником.

Вроде бы Артур и не осознавал, как слабеет его вера. Но от размышлений о себе внутри Церкви он с легкостью перешел к мыслям о себе за ее пределами. Ему открылось, что его разум и совесть не всегда принимают то, что находится перед ними. В выпускном классе он

слушал проповедь отца Мерфи. Яростный, багровый от гнева священник стоял высоко на кафедре, грозя неминуемым и безусловным проклятьем всем невоцерковленным. Причина, по которой эти люди остаются вне лона Церкви, будь то злонамеренность, упрямство или банальное невежество, не влияет на конечный итог: неминуемое и безусловное проклятье на веки вечные. Потом он стал так пылко живописать все мерзости и муки ада, что мальчики заерзали на скамьях; Артур, однако, не вслушивался. Матушка ему растолковала, что к чему, и теперь он взирал на отца Мерфи как на рассказчика, которому больше не веришь.

Джордж

Мать учительствует в примыкающей к дому викария воскресной школе. Ромбическая кирпичная кладка этого строения напоминает, по словам матери, узорчатый вязаный плед и утешает взор. Джорджу это не по уму, хотя он задумывается: не идет ли речь об Утешителях Иова? Всю неделю он ждет не дождется занятий в воскресной школе. Неотесанные мальчишки туда не ходят – те носятся сломя голову по лугам, ставят силки на кроликов, говорят неправду и вообще выбирают для себя путь наслаждений, ведущий к проклятию на веки вечные. Мать предупредила, что на уроках не будет его выделять. И Джордж понимает: так она указывает всем ученикам – в равной степени – путь к Небесам.

В классе она рассказывает захватывающие истории, вполне доступные его пониманию: про Даниила в Львином Рву, про Устье Печи, Раскаленной Огнем. Правда, есть и другие истории, куда труднее для понимания. Иисус учил Притчами; Джордж ловит себя на том, что Притчи ему не по нраву. Взять хотя бы Притчу про пшеницу и плевелы. Джорджу ясно: враг может посеять плевелы среди пшеничного поля, и выпалывать их нельзя, чтобы случайно не вырвать с корнем пшеничные стебли… как-то оно неубедительно, ведь у него на глазах мать частенько пропалывает клумбу, а что такое прополка, если не выдергивание плевел, покуда они еще не разрослись вместе с пшеницей? Но даже если оставить в стороне эту неувязку, дальнейшие рассуждения заходят в тупик. Ясно, что подразумевается в этой истории нечто иное, на то она и Притча, но что есть «нечто иное» – это Джорджу не по уму.

Он рассказывает про пшеницу и плевелы братишке Хорасу, но тот даже не понимает, что такое плевелы. Хорас на три года младше Джорджа, а Мод на три года младше Хораса. Мод, девочка, да еще самая младшая из детей, слаба здоровьем по сравнению с братьями; они усвоили, что их долг – ее защищать. Что именно под этим подразумевается, никто не уточнил; похоже, защита сводится к запретам: сестру нельзя тыкать палкой, нельзя дергать за волосы, нельзя громко фыркать ей в лицо, как наловчился Хорас.

Словом, защитники из Джорджа и Хораса никудышные. В дом зачастил врач, и его регулярные визиты держат семью в постоянной тревоге. Всякий раз Джордж испытывает неловкость и старается исчезнуть с глаз долой, чтобы его не сочли главным виновником сестренкиной болезни. А Хорас тут как тут: бойко вызывается отнести наверх докторский саквояж.

Когда Мод исполняется четыре года, родители, посовещавшись с доктором, решают, что ее, такую хрупкую, нельзя оставлять без присмотра на всю ночь и что ни Джорджу, ни Хорасу, ни даже им обоим вместе нельзя поручать ночной догляд за сестрой. Отныне спать она будет в маминой комнате. Тут же принимается решение, что Джордж перейдет спать в комнату к отцу, а Хорас останется в детской. Джорджу сейчас десять лет, Хорасу – семь; видимо, резонно считать, что возраст греховности уже не за горами и двоих мальчиков не следует оставлять наедине. Разъяснений никто не дает, да никто и не просит. Джордж не интересуется, почему его отправляют на ночлег к отцу: в наказание или в награду. Так надо – вот и весь сказ.

Джордж с отцом вместе молятся, преклоняя колени на выскобленные добела половицы. Потом Джордж залезает в постель, а отец запирает дверь и гасит свет. Перед сном Джордж иногда обращается мыслями к этим половицам: вот бы душу его кто-нибудь точно так же отскоблил добела.

Отец спит беспокойно: то стонет, то кряхтит. А время от времени, уже под утро, когда за край шторы начинает заглядывать рассвет, устраивает проверку в форме вопросов и ответов.

– Где ты живешь, Джордж?

– В доме викария, в Грейт-Уэрли.

– И где это находится?

– В графстве Стаффордшир, отец.

– А оно где находится?

– В центре Англии.

– А что есть Англия, Джордж?

– Англия – это пульсирующее сердце Британской империи, отец.

– Неплохо. А что есть кровь, струящаяся по артериям и венам Империи к самым дальним берегам?

– Англиканская церковь.

– Неплохо, Джордж.

Вскоре отец вновь начинает стонать и кряхтеть. На глазах у Джорджа края шторы отвердевают. Он лежит и думает об артериях и венах, которые красными линиями на карте мира связывают Британию с другими территориями, закрашенными розовым: это Австралия, Индия, Канада, а также вездесущие пятнышки островов. Ему грезится, как по дну океана, подобно телеграфным кабелям, тянутся сосуды. Грезится, как в этих сосудах бурлит кровь, чтобы излиться в Сидней, Бомбей, Кейптаун. Кровопроводящие магистрали – где-то он слышал такое выражение. Под пульсацию крови в ушах его опять клонит в сон.

Артур

Выпускные испытания Артур выдержал с отличием; но поскольку ему исполнилось всего шестнадцать, он был еще на год отправлен к иезуитам в Австрию. В «Фельдкирхе», как он убедился, правила внутреннего распорядка были не столь жесткими: здесь разрешалось пить пиво и обогревать дортуары. Чтобы воспитанники-англичане практиковались в языке, к ним во время длительных прогулок специально приставляли двоих однокашников, говоривших только по-немецки. Артур вызвался быть редактором и единоличным автором рукописного научно-литературного журнала «Фельдкирхиан газетт». Кроме всего прочего, он теперь играл в футбол на ходулях и учился музицированию на тубе-бомбардоне: этот инструмент, дважды закрученный вокруг торса, звучал как труба иерихонская.

По возвращении в Эдинбург Артур узнал, что отец помещен в лечебницу, якобы с диагнозом «эпилепсия». Доходов больше не предвиделось, даже той малости, которую изредка приносили акварели с изображениями фей. В связи с этим Аннетт, старшая сестра, уже переселилась в Португалию, где нашла место гувернантки; к ней готовилась присоединиться и Лотти, чтобы сообща отсылать семье хоть какие-то средства. Матушка пошла даже на то, чтобы пускать жильцов. Артур смущался и негодовал. Уж кому-кому, а его матери не пристало опускаться до сдачи меблированных комнат.

– Помилуй, Артур, кабы никто не сдавал жилье внаем, твой отец не смог бы поселиться у бабушки Пэк и мы с ним никогда бы не повстречались.

По мнению Артура, это как раз был очень веский довод против сдачи комнат жильцам. Поскольку отца критиковать недопустимо, он смолчал. Но зачем же притворяться, будто матушка не смогла бы сделать более удачную партию?

– А в таком случае, – продолжала она, улыбаясь ему серыми глазами, которые его обезоруживали, – не появился бы на свет Артур; да что там говорить – не было бы ни Аннетт, ни Лотти, ни Конни, ни Иннеса с Идой.

Несомненно, такова была истинная правда, но вместе с тем и одна из неразрешимых метафизических загадок. Окажись поблизости Партридж, они бы с ним обсудили вопрос: возможно ли сохранить свою идентичность (хотя бы в некоторой степени), если бы ты родился от другого отца? Если нет, то, следовательно, и сестры его тоже не остались бы самими собой, особенно Лотти, которая всегда была отцовской любимицей, хотя внешностью и уступала, как считалось, Конни. Притом что он еще мог кое-как представить другим самого себя, мозг его не соглашался ни на йоту изменить Лотти.

Вероятно, Артур более терпимо воспринял бы весть о падении статуса их семьи, не попадись ему на глаза первый матушкин жилец. Брайан Чарльз Уоллер: всего на шесть лет старше Артура, но уже дипломированный врач. Да к тому же публикуемый поэт, племянник человека, которому посвящена «Ярмарка тщеславия». Артур не возражал против начитанности, а точнее, учености этого парня и даже против его ярого безбожия; но не мог простить, что в их доме жилец показал себя обаятельным и легким в общении. Как он произнес: «Стало быть, это Артур» – и с улыбкой протянул руку. Будто давал понять, что уже стоит на шаг впереди тебя. Как носил два своих лондонских костюма, как изрекал общие суждения и эпиграммы. Какой подход нашел к Лотти и Конни. Какой подход нашел к матушке.

Он и с Артуром был обаятелен и легок в общении, чего не мог простить ему рослый, неуклюжий, упрямый абитуриент, недавно вернувшийся из Австрии. Уоллер держался так, будто понимал Артура даже в тех случаях, когда Артур, похоже, сам себя не понимал и, стоя у своего собственного камина, виделся себе таким нелепым – словно зажатым в двойные кольца тубы-бомбардона. Так и хотелось извлечь из нее протестующий рев, тем более что Уоллер деликатно заглянул Артуру в душу и – что самое неприятное – воспринял ее состояние всерьез и одновременно не полностью всерьез, с улыбкой, как будто замеченное им смятение – дело житейское, не стоящее большого внимания.

Слишком уж обаятелен и легок в общении с самой жизнью, черт бы его побрал.

Джордж

Сколько помнится Джорджу, в доме всегда была прислуга «за все», которая где-то на заднем плане драит полы, вытирает пыль, начищает медь, разжигает очаг, чернит каминную решетку и кипятит воду в котле. Прислуга меняется ежегодно: одна девушка выходит замуж, другая переезжает в Кэннок или Уолсолл, а то и в Бирмингем. Джордж и раньше-то их не замечал, а нынче тем более: средняя школа находится в Ружли, каждый день туда и обратно поездом.

Он рад, что распрощался с деревенской школой, с глупыми мальчишками из фермерских семей и с косноязычными – из шахтерских; даже имена их выбросил из головы. В Ружли по большому счету ребята сделаны совсем из другого теста, а учителя считают, что умным быть полезно. Он неплохо ладит с одноклассниками, хотя близких друзей не завел. Гарри Чарльзуорт нынче учится в Уолсолле, и они лишь кивают друг другу, сталкиваясь на улице. Для Джорджа теперь на первом месте учеба, его родные, его вера и соответствующие обязанности. Все прочее можно отложить на потом.

Однажды субботним вечером Джорджа призывают в отцовский кабинет. На столе раскрыт внушительный алфавитный указатель библейских изречений, рядом – заметки для воскресной проповеди. Отец собран, как на кафедре. Так или иначе, Джордж предугадывает первый вопрос.

– Сколько тебе лет, Джордж?

– Двенадцать, отец.

– В этом возрасте от человека естественно ожидать некоторого уровня рассудительности и благоразумия.

Джордж не понимает, что это было: вопрос или утверждение, а потому молчит.

– Элизабет Фостер жалуется, Джордж, что ты на нее как-то странно поглядываешь.

Он озадачен. Элизабет Фостер – это новая прислуга, работает у них месяца два-три. Ходит в форменном платье горничной, как и ее предшественницы.

– В каком смысле отец?

– А сам ты как думаешь: в каком смысле?

Некоторое время Джордж размышляет.

– В греховном?

– Допустим; а точнее?

– Единственный мой грех, отец, состоит в том, что я ее почти не замечаю, хотя и знаю, что она частица Творения Господня. Заговаривал я с ней только два раза – когда она неизвестно куда рассовала вещи. А поглядывать на нее у меня нет причин.

– Совсем никаких причин, Джордж?

– Совсем никаких, отец.

– В таком случае я скажу ей, что она, неумная и злонамеренная девица, будет уволена, если не прекратит свои кляузы.

Джорджа ждут латинские глаголы; судьба Элизабет Фостер ему безразлична. Он даже не задается вопросом: а не грешно ли проявлять такое безразличие к чужой судьбе?

Артур

Созрело решение, что Артур будет изучать медицину в Эдинбургском университете. Он вырос ответственным и трудолюбивым, а со временем обещал приобрести невозмутимость, которая внушает доверие пациентам. Это решение Артур воспринял благосклонно, хотя и подозревал, от кого оно исходит. О медицине первой заговорила матушка: мистер Уоллер не прожил у них и месяца, как она обратилась с письмом в «Фельдкирх». Простое совпадение? Артур надеялся, что это так; он даже боялся представить, как его будущее становится предметом обсуждения между матушкой и этим самозванцем. Даром что он (как постоянно напоминали Артуру) дипломированный специалист и публикуемый поэт. Даром что «Ярмарке тщеславия» предпослано посвящение его дядюшке.

Помимо всего прочего, выходило чертовски ловко, что Уоллер теперь сам предлагал подготовить Артура к вступительным экзаменам, дающим право на стипендию. Артур согласился по-юношески хамовато, за что без свидетелей получил реприманд от матушки. Он перерос ее на целую голову; убранные за уши материнские волосы потускнели и подернулись сединой, но серые глаза и негромкий голос по-прежнему таили неослабный нравственный авторитет.

Уоллер оказался сильным репетитором. Под его руководством Артур зубрил античную литературу, рассчитывая на стипендию Грирсона для малоимущих: сорок фунтов в год сроком на два года были бы значительным подспорьем для семьи. Получив результаты и выслушав дружные похвалы родных, Артур понял, что это его первое серьезное достижение: он впервые сумел отблагодарить маму за ее многолетние жертвы. Рукопожатиям и поцелуям не было конца; Лотти и Конни от избытка чувств расплакались – девчонки, что с них возьмешь, а сам Артур от нахлынувшего великодушия решил отбросить подозрения в адрес Уоллера.

Через несколько дней Артура вызвали в стипендиальный отдел. Принял его невзрачный, сконфуженный чиновник, чья должность осталась тайной. Произошла, видите ли, неувязка. Не могу сказать, как это получилось. Видимо, вследствие канцелярской ошибки.

На стипендию Грирсона могут претендовать только студенты гуманитарных специальностей. Артуру присудили ее ошибочно. Впоследствии будут приняты меры и так далее и тому подобное.

Но существуют другие поощрения и другие стипендии, указал Артур, – вот же, целый список. Наверно, ему смогут выделить стипендию из другого источника. Ну… да… теоретически такое возможно, вот, к примеру, следующая стипендия в этом списке как раз предназначена для студентов-медиков. К сожалению, она уже присуждена другому кандидату. Как и все прочие.

– Но это грабеж средь бела дня! – вскричал Артур. – Грабеж средь бела дня!

Конечно, ситуация весьма прискорбная; видимо, что-то еще можно исправить. И на следующей неделе положение было исправлено. Артур узнал, что ему назначили компенсацию в размере семи фунтов стерлингов, которые застряли в каком-то всеми забытом фонде и с любезного согласия руководства были предоставлены в его распоряжение.

Он впервые столкнулся с такой вопиющей несправедливостью. Когда его лупили тулием, на то почти всегда была веская причина. Когда отца упекли в лечебницу, сыновнее сердце отозвалось болью, но никто не взялся бы утверждать, что отец безгрешен: да, произошла трагедия, однако несправедливости в ней не было. Но здесь-то, здесь! Все сошлись во мнении, что университету нужно вчинить иск. Пусть Артур засудит руководство и вернет себе стипендию. И только доктор Уоллер сумел убедить его в нецелесообразности тяжбы с учебным заведением, которому ты вверяешь свое образование. Делать нечего: нужно проглотить гордость и по-мужски пережить обиду. Артур внял этому совету, хотя до мужчины пока не дорос. Но слова утешения, которые якобы его убедили, на самом деле оказались пустым звуком. Душа у него гноилась, полыхала, смердела, как частица ада, в который он более не верил.

Джордж

Отец, как правило, не ведет разговоров с Джорджем после того, как прочитаны молитвы и погашен свет. Перед сном, на лоне Господа, полагается размышлять о смысле произнесенных слов. Если честно, Джордж более склонен размышлять о завтрашних уроках. Не может же быть, чтобы Господь считал это грехом.

– Джордж, – внезапно заговаривает отец, – ты не заметил возле дома праздношатающихся лиц?

– Сегодня, отец?

– Нет, не сегодня. Вообще. В последнее время.

– Нет, отец. А кто может здесь шататься?

– Нам с твоей матерью стали поступать анонимные письма.

– От праздношатающихся лиц?

– Да. То есть нет. Если заметишь нечто подозрительное, Джордж, сразу сообщи мне. Если прохожий оставит что-нибудь под дверью. Если поблизости будут топтаться незнакомые люди.

– Так от кого же приходят письма, отец?

– Письма анонимные, Джордж. – Даже в темноте заметно отцовское раздражение. – Анонимные. Из греческого, через латынь: «безымянные».

– И что в этих письмах, отец?

– Нечестивые слова. Про… всех.

Джордж понимает, что должен встревожиться, но его охватывает радостное волнение. Ведь это возможность побыть сыщиком, и он пользуется ею на полную катушку, причем не в ущерб школьным занятиям. Заглядывает за стволы деревьев, прячется в чулане под

лестницей, откуда видно парадное крыльцо, приглядывается к каждому, кто заходит в дом, подумывает, где бы раздобыть увеличительное стекло, а еще лучше – телескоп. Но ничего подозрительного не обнаруживает.

И не понимает, кто повадился писать мелом нечестивые слова о его родителях на сарае мистера Гарримена и надворных постройках мистера Эрама. Стоит только смыть эту гадость, как она таинственным образом появляется вновь. Джорджу никто не сообщает, что именно там понаписали. Однажды в послеобеденный час он, как заправский сыщик, идет кружным путем, подкрадывается к сараю мистера Гарримена, но видит только стену с высыхающими мокрыми пятнами.

– Отец, – шепчет Джордж, когда погашен свет; с его точки зрения, в это время позволительно говорить о таких материях. – Есть идея. Мистер Босток.

– При чем тут мистер Босток?

– У него мела полно. У него всегда под рукой мел.

– Так-то оно так, Джордж. Но с моей точки зрения, мы можем спокойно исключить мистера Бостока.

Через пару дней у матери Джорджа случается растяжение запястья; она бинтует руку. Просит Элизабет Фостер написать под ее диктовку, какие продукты требуется заказать в мясной лавке, но вместо того, чтобы вручить этот листок девушке и отправить ее к мистеру Гринсиллу, мать относит список отцу. После сличения почерка с письмами, которые хранятся в запертом ящике стола, горничной дают расчет.

Через некоторое время отца вызывают к мировому судье в Кэннок для выяснения подробностей. Джордж втайне надеется, что и его вызовут как свидетеля. По рассказам отца, эта негодяйка утверждает, будто неудачно пошутила; ее призвали к порядку.

Элизабет Фостер больше в округе не появляется, и ее место вскоре занимает новая горничная. Джордж чувствует, что не до конца справился с ролью сыщика. К сожалению, он даже не узнал, какие надписи мелом были сделаны на сарае мистера Гарримана и надворных постройках мистера Эрама.

Артур

Ирландец по крови, шотландец по рождению, воспитанный в Римской вере голландцами-иезуитами, Артур сделался англичанином. Его вдохновляла история Англии; английские свободы внушали гордость, английский крикет – патриотизм. Величайшим периодом (а выбирать было из чего) в истории Англии оставался четырнадцатый век – эпоха, когда на полях сражений властвовали лучники, а французский и шотландский короли томились в лондонском плену.

Не забывал он и тех историй, которые звучали при занесенной поварешке. Для Артура колыбелью английского духа был канувший в небытие, приснопамятный, благоизобретенный мир рыцарства. Свет не знал рыцаря более верного, чем сэр Кей, более храброго и романтичного, чем сэр Ланселот, более добродетельного, чем сэр Гэлахед. Ни одна влюбленная пара не могла сравниться силой чувства с Тристаном и Изольдой, ни одна супруга не превзошла Гвиневеру красотой и дерзновенностью. И уж конечно, от века не бывало монарха более смелого и благородного, чем король Артур.

Христианских добродетелей могли придерживаться все – как простолюдины, так и знатные господа. Но рыцарство было прерогативой облеченных властью. Рыцарь защищал даму сердца; сильные помогали слабым, честь была живой ценностью, за которую шли на смерть. Как ни грустно, для новоиспеченного медика число граалей и странствий оказалось весьма ограниченным. В современном мире бирмингемских фабрик и шляп-котелков понятие рыцарства зачастую вырождалось, похоже, в банальное любительство. Но Артур елико

возможно придерживался рыцарского кодекса чести. Человек слова, он приходил на помощь бедным, не поддавался низменным чувствам, проявлял обходительность с женщинами, продумывал наперед, как спасти и окружить заботой мать. Притом что четырнадцатое столетие, к несчастью, давным-давно кануло в небытие, а из Артура не вышел Уильям Дуглас, лорд Лиддесдейл, Цвет Рыцарства, сам он поднялся до тех пределов, какие нынче были ему доступны.

В своих первых контактах с прекрасным полом он руководствовался не учебниками физиологии, а рыцарскими правилами. Достаточно привлекательный, он не гнушался здорового флирта и как-то раз с гордостью объявил матушке о благородной любви сразу к пятерке девушек. Подобные отношения близко не стояли к закадычной дружбе с однокашниками, хотя многие правила повторялись. Например, если девушка тебе нравится, ты даешь ей прозвище. Взять хотя бы миловидную, крепенькую Элмор Уэлдон, с которой он пару месяцев отчаянно флиртовал. Она получила у него прозвище Эльма – в честь таинственных огней Святого Эльма, которые в шторм играют на корабельных мачтах и реях. Артур любил воображать себя мореходом, бороздящим опасные житейские просторы под мрачными небесами, озаренными светом этой девушки. С Эльмой он даже хотел обручиться, но через некоторое время передумал.

Кстати, в ту пору его немало тревожили ночные поллюции, о которых ничего не говорилось в книге «Смерть Артура». По утрам влажно-липкие простыни сильно отвлекали от рыцарских мечтаний, а также от осознания того, что представляет собой мужское начало и как его можно в себе воспитать с помощью ума и силы воли. Чтобы даже во сне держать себя в узде, Артур увеличивал физические нагрузки. Он и прежде занимался боксом, играл в крикет и в футбол. Теперь к этому прибавился гольф. Пока всякие ничтожные личности зачитывались грязными книжонками, Артур штудировал «Крикетный альманах Уисдена».

Кроме того, он начал писать для журналов. Вновь превратившись в школяра, стоящего на парте, он будто бы пускал в ход свои голосовые чары и вращал глазами, дабы публика раскрывала рты в доверчивом нетерпении. Сочинял он такого рода истории, какие сам любил читать, – этот подход к игре в писательство казался ему самым разумным. Действие разворачивалось в дальних странах, где искатели приключений то и дело находят клады, а среди местных жителей не переводятся жестокосердые злодеи, равно как и жаждущие спасения девы. Для выполнения задуманной Артуром опасной миссии годился не каждый герой. Прежде всего, безоговорочно отвергались хилые телом, а также склонные к самобичеванию и пьянству. Отец Артура не выполнил свой рыцарский долг по отношению к матушке; теперь этот долг перешел от отца к сыну. Тот при всем желании не мог спасти ее методами четырнадцатого века; оставалось прибегнуть к методам других, менее блистательных столетий. Он решил писать, дабы спасти матушку рассказами о спасении других. Эти повествования сулили ему богатство, а уж богатство могло обеспечить все остальное.

Джордж

До Рождества всего две недели. У Джорджа, нынче шестнадцатилетнего, близкий праздник не вызывает прежних восторгов. Юноша понимает, что рождение нашего Спасителя – торжественная, ежегодно отмечаемая истина, но уже перерос то нервическое возбуждение, которому поддаются и Хорас, и Мод. Не разделяет он и убогих надежд своих бывших соучеников из «Ружли»: те в открытую грезят о фривольных подарках, коим не место в доме викария. А вдобавок его однокашники каждую зиму мечтают и, более того, молятся – тем самым принижая веру, – чтобы выпал снег.

Джордж не опускается до того, чтобы кататься на коньках или на салазках и лепить снеговиков. Он уже делает первые шаги в избранной профессии. Перебравшись после окон-

чания ружлийской школы в Бирмингем, он теперь изучает юриспруденцию в Мейсон-колледже. Если приналечь и успешно сдать первую сессию, можно будет устроиться стажером в адвокатскую контору, что позволит учиться дальше бесплатно. Пятилетняя стажировка заканчивается выпускными экзаменами на звание частного поверенного. Джордж представляет, как в солидном костюме сидит за письменным столом, на котором красуется переплетенный свод законов, а из одного кармана в другой блестящим канатиком тянется золотая цепочка. Он уже видит, как его уважают. Он уже видит, что носит шляпу.

Двенадцатого декабря он приезжает домой затемно. На крыльце лежит какой-то предмет. Джордж наклоняется, а затем приседает на корточки, чтобы рассмотреть поближе. Перед ним огромный ключ, холодный на ощупь, тяжелый. Джордж теряется в догадках. Ключи от дома куда меньшего размера, как и ключи от воскресной школы. От церкви ключ совсем другой, да и на фермах такие вроде бы не в ходу. Но одним своим весом этот ключ заявляет, что служит серьезной цели.

Джордж относит находку отцу. Тот озадачен не меньше.

– На крыльце, говоришь? – Очередной вопрос, ответ на который известен отцу наперед.

– Да, отец.

– И ты не видел, кто его подбросил?

– Нет, не видел.

– И никого не заметил по дороге от станции к дому?

– Нет, отец.

Ключ сопровождают запиской и отправляют в Хеднесфорд, где находится полицейский участок, а через три дня, вернувшись из колледжа, Джордж застает сидящего у них на кухне сержанта Аптона. Отец задерживается в приходе; мать нервничает. Джордж решает, что его, как нашедшего ключ, ждет награда. В Ружли подобные истории передавались из уст в уста: ключом открывается сейф или кованый сундук, а дальше в руках героя оказывается измятая карта с пометкой крестиком. Джордж никогда не увлекался такими россказнями: уж очень они далеки от жизни.

Сержант Аптон – краснолицый здоровяк с торсом кузнеца; серая суконная форма ему тесновата: не оттого ли он сопит? Кивая в ответ своим мыслям, он окидывает взглядом Джорджа.

– Стало быть, это ты нашел ключ, парень?

Джордж припоминает, как играл в сыщика, когда Элизабет Фостер повадилась писать гадости на стенах. И вот новая загадка, но на сей раз в ней сошлись полисмен и будущий поверенный. Вполне логично и в то же время интригующе.

– Да. Он у порога лежал.

Не реагируя на это сообщение, сержант все так же кивает. Ему, похоже, не по себе, и Джордж пытается прийти на выручку:

– Награда за него объявлена?

Сержант удивлен.

– А тебя с какого боку интересует награда? Ты-то при чем?

Отсюда Джордж заключает, что никакой награды не объявлено. Видимо, полисмен зашел похвалить его за возврат чьей-то утерянной вещи.

– Вы установили, откуда взялся этот ключ?

И вновь сержант Аптон не дает ответа. Вместо этого он достает блокнот и карандаш.

– Имя?

– Вы же знаете, как меня зовут.

– Я сказал: имя.

По мнению Джорджа, сержант мог бы изъясняться повежливей.

– Джордж.

– Ну. Дальше.
– Эрнест.
– Дальше.
– Томпсон.
– Дальше давай.
– Фамилия моя вам известна. Такая же, как у моего отца. И матери.
– Дальше давай, кому сказано? Ишь, строптивец какой.
– Эдалджи.
– Ну и ну, – тянет сержант. – По буквам диктуй.

Артур

Брак Артура, как и сохраненный памятью ранний этап жизни, начался со смерти.

Артур пошел по медицинской линии: работал на подхвате в Шеффилде, Шропшире и Бирмингеме; потом завербовался корабельным врачом на китобойное судно «Надежда». После отбытия из Питерхеда в направлении полярных льдов судно вело промысел тюленей и любой морской живности, какую только удавалось выследить и настичь. Предусмотренные судовой ролью обязанности Артура оказались несложными, а поскольку он, как любой нормальный парень, любил выпить и в случае чего мог за себя постоять, весь экипаж вскоре проникся к нему доверием; прозвище ему дали – Великий Северный Ныряльщик, потому что он несколько раз соскальзывал за борт. Ко всему прочему, Артур, как любой здоровый британец, любил всласть поохотиться: к концу рейса на его счету было пятьдесят пять нерп.

Когда в бескрайних льдах промысловики забивали тюленей, он не испытывал ничего, кроме мужского состязательного духа. Но как-то раз им попался гренландский кит, и у Артура возникли дотоле неведомые ощущения совсем иного порядка. Допустим, вываживать лосося – это королевская забава, но добыча весом с добрую загородную виллу не поддается никакому сравнению. С расстояния вытянутой руки Артур наблюдал, как китовый глаз (что удивительно, размером не более бычьего) постепенно затуманивается смертью.

Вот загадка: с этой жертвой у Артура изменился образ мыслей. Он по-прежнему стрелял уток в снежной вышине и гордился своей меткостью; однако за этим стояло некое чувство, которое можно уловить, но нельзя сдержать. У каждой подстреленной птицы в желудке были камешки из дальних краев, не обозначенных на карте.

Потом судьба занесла его в южные моря: сухогруз «Маюмба» шел из Ливерпуля курсом на Канары и западное побережье Африки. На борту и здесь выпивали, но постоять за себя удавалось разве что за игрой в бридж или криббедж. Артур с неохотой сменил резиновые сапоги и робу китобоя на костюм добротного сукна с золотыми пуговицами – форму командного состава, но, по крайней мере, получил компенсацию в виде женского общества. Однажды дамочки перед сном шутки ради сшили мешком простыню у него на койке, а он в качестве столь же комичного акта мести засунул под ночную рубашку одной из тех шутниц летающую рыбку.

Потом он списался на берег – поближе к здравому смыслу и карьере. На дверях его кабинета в Саутси появилась бронзовая именная табличка. Примкнув к масонам, он стал магистром ложи «Феникс» номер 257. Возглавил крикетный клуб Портсмута и прослыл одним из самых надежных уикет-киперов во всей гемпширской Ассоциации. К нему направлял пациентов доктор Пайк, его знакомый по боулинг-клубу в Саутси; страховая компания «Грэшем» поручала Артуру медицинские освидетельствования.

Как-то раз доктор Пайк обратился к Артуру за дополнительной консультацией по поводу одного молодого пациента, который недавно переехал в Саутси вместе с овдовевшей матерью и старшей сестрой. Дополнительная консультация оказалась чистой формаль-

ностью: невооруженным глазом было видно, что у Джека Хокинса церебральный менингит – заболевание, против которого бессильно все медицинское сообщество, не говоря уже об Артуре. Гостиницы и пансионаты закрывали двери перед несчастным больным, и Артур предложил пустить его к себе на правах стационарного пациента. Оказалось, что Хокинс всего на месяц старше хозяина дома. Несмотря на сотни порций крахмального напитка из аррорута (не более чем полумера), болезнь стремительно прогрессировала, пациент лишился рассудка и разгромил всю комнату. Через считаные дни его не стало.

Артур вгляделся в его труп еще внимательнее, чем ребенком вглядывался в «бело-восковое нечто». Изучая медицину, он давно заметил, что на лицах покойных зачастую отражаются высокие помыслы, как будто тяжесть и напряжение жизни пересилил покой. На языке науки такое явление называлось посмертной мышечной релаксацией, но где-то в уголке сознания Артура теплилась мысль, что термин этот не вполне точен. После смерти у человека внутри тоже остаются камешки из дальних краев, не обозначенных на карте.

Когда похоронная процессия из одной кареты двигалась от дома в сторону Хайленд-роудского кладбища, в душе Артура пробудились рыцарские чувства от вида скорбящих матери и сестры, оставшихся наедине со своим горем, без мужского плеча, да еще в чужом городе. У Луизы под траурной вуалью скрывалось застенчивое круглое личико, на котором выделялись голубые глаза с зеленоватым оттенком морской волны. По истечении надлежащего срока Артуру было дозволено ее навестить.

Для начала молодой доктор объяснил, что остров (видите ли, Саутси, вопреки первому впечатлению, – это остров) можно уподобить игровому набору китайских колец: в центре открытое пространство, затем среднее кольцо – сам город, а далее внешнее кольцо – море. Он поведал своей собеседнице, что подобное расположение имеет своим следствием крупнопесчанистую почву и хороший дренаж; что сэр Фредерик Брамуэлл эффективно усовершенствовал здешнюю канализационную систему и что город славится целительным климатом. Последняя деталь почему-то вызвала у Луизы нешуточную горечь, которую она замаскировала расспросами про Брамуэлла – и выслушала подробную лекцию про этого видного инженера.

Иными словами, лед тронулся; настало время как следует познакомиться с городом. Они посетили оба пирса, где, похоже, днями напролет играли военные духовые оркестры. Засвидетельствовали вынос знамени на Губернаторском лугу и показательный бой в городском парке; разглядели в бинокль военные корабли на рейде Спитхеда. Во время прогулки по Эспланаде Кларенса Артур подробно объяснил важность каждого выставленного там трофея и памятника воинской славы. Вот русская винтовка, там – японская пушка и мортира, повсюду мемориальные доски и стелы в память моряков и пехотинцев, которые пали в разных концах Империи от разных причин: кто подхватил желтую лихорадку, кто утонул при кораблекрушении, кто погиб от руки вероломных мятежников-индусов. Луиза уже стала думать, что доктор малость не в себе, но сочла за лучшее до поры до времени полагать, что такая неуемная дотошность сродни его физической выносливости. Он довез ее на конке до Продовольственной базы снабжения флота, чтобы показать весь процесс изготовления морских галет, от мешка муки до теста, отправки его в горячую печь и превращения в сувениры, которые посетители уносили с собой в зубах.

Мисс Луиза Хокинс даже не подозревала, что ухаживание – если это было ухаживание – способно изматывать сильнее, чем пешие походы. Далее они обратили свой взор в южную сторону – на остров Уайт. С эспланады Артур указал на изумрудные холмы, которыми славится, как он выразился, *Vectis insula*; это именование острова прозвучало для Луизы высокой поэзией. Издалека они рассмотрели Осборн-Хаус, и Артур объяснил, как по интенсивности движения морского транспорта можно судить о присутствии королевы в здешней резиденции. На пароходике они пересекли пролив Солент и обогнули весь остров: Луиза

послушно разглядывала меловые «Иглы», бухту Алум, замок Кэрисбрук, оползень, глинистый сланец, но в конце концов взмолилась, чтобы ей принесли шезлонг и плед.

Однажды вечером, когда они смотрели на море с Южного Парадного пирса, Артур взялся описывать свои подвиги в Африке и в Арктике; но при упоминании той цели, которая стояла перед командой во льдах, у Луизы навернулись такие слезы, что он не решился хвалиться своей добычей. Луизу, как он убедился, не обошла врожденная жалостливость, какую Артур считал типичной – при ближайшем рассмотрении – для всех женщин. Луиза всегда с готовностью улыбалась, но не выносила шуток, в которых смаковались жестокости или выпячивалось превосходство рассказчика. Ее отличали от многих открытый, великодушный нрав, прелестная кудрявая головка и небольшой личный доход.

Прежде в отношениях с женщинами Артур изображал из себя пример благородства. Теперь, по мере того, как они прогуливались по этому концентрическому курорту и она училась опираться на его руку, по мере того, как ее имя, Луиза, менялось на Туи, а он, стоило ей только отвернуться, исподтишка обшаривал глазами ее бедра, Артур стал понимать, что желает чего-то большего, нежели флирт. Понял он также и то, что она возвысит его как мужчину; а ведь в этом по большому счету и состоит одно из главных предназначений брака.

Но первым делом юной претендентке требовалось получить одобрение его матушки: та приехала в Гемпшир, где и были устроены смотрины. Она сочла, что Луиза скромна, уступчива и происходит из приличной, хотя и не аристократической семьи. Матушкиному любимцу не грозило связать свою жизнь с вульгарной девицей сомнительных моральных качеств, способной его опозорить. К тому же материнский глаз не усмотрел в этой девушке никаких признаков зарождающегося тщеславия, которое могло бы со временем подавить авторитет Артура. Будущая сватья, миссис Хокинс, оказалась уважительной, приятной в общении. Давая свое благословение, матушка даже позволила себе поразмышлять о том, что в Луизе, пожалуй, сквозит некоторое сходство – если посмотреть вот так, против света, – с нею самой в молодости. О чем еще мечтать матери, в конце-то концов?

Джордж

После начала занятий в Мейсон-колледже у Джорджа входит в привычку по возвращении из Бирмингема совершать вечерний моцион. Даже не ради физической нагрузки – этого ему хватило в Ружли, – а просто чтобы проветрить мозги перед тем, как вновь засесть за учебники. Чаще всего толку все равно нет: он чувствует, что увяз в тонкостях контрактного права. В этот морозный январский вечер, когда в небе сияет месяц, а покатые крыши поблескивают вчерашним ночным инеем, Джордж бормочет себе под нос аргументы для завтрашних учебных прений (дело о заражении муки в зернохранилище), и вдруг на него из-за дерева выскакивает какая-то фигура.

– В Уолсолл, что ли, намылился? – Сержант Аптон багровеет и отдувается.

– Прошу прощения?

– Ты меня услышал. – Аптон стоит едва ли не вплотную, сверля Джорджа взглядом, который внушает тревогу. Сержант, по мнению Джорджа, немного чокнутый; а следовательно, лучше ему поддакивать.

– Вы спросили: в Уолсолл я, что ли, намылился?

– Ага, стало быть, не оглох покуда. – Он хрипит, словно жеребец, или боров, или неведомо кто.

– Просто я не понял, чем вызван такой вопрос, поскольку дорога эта в Уолсолл не ведет. Как мы оба знаем.

– Как мы оба знаем. Как мы оба знаем. – Делая шаг вперед, Аптон хватает Джорджа за плечо. – Мы вот что знаем, вот что мы знаем: тебе известна дорога в Уолсолл, и мне известна дорога в Уолсолл, и в Уолсолле ты обстряпываешь свои делишки, верно?

Нынче сержант определенно не в себе, да к тому же плечо стиснул так, что хоть кричи от боли. Джордж не видит смысла объяснять, что в Уолсолл его в последний раз заносило два года назад – за рождественскими подарками для Хораса и Мод.

– Ты наведался в Уолсолл, выкрал ключ от гимназии, притащил домой и оставил на крыльце, так?

– Вы делаете мне больно, – говорит Джордж.

– Нет, ошибаешься. Это не называется больно. Если захочешь, чтоб сержант Аптон сделал тебе больно, – только скажи.

Точно такое же ощущение возникало у Джорджа давным-давно, когда он с задней парты смотрел на классную доску и не мог дать правильный ответ. Точно такое же ощущение возникало у него и перед тем, как замарать штаны. Ни к селу ни к городу он выпаливает:

– Я учусь на адвоката-солиситора.

Ослабив хватку, сержант делает шаг назад и гогочет ему в лицо. А потом сплевывает в сторону ботинка Джорджа.

– Ты так считаешь? На адвоката-со-ли-си-то-ра? Не слишком ли длинно для такого недомерка? Думаешь, тебе дадут диплом адвоката-со-ли-си-то-ра, если сержант Аптон скажет, что этому не бывать?

У Джорджа вертится на языке, что решение будут принимать Мейсон-колледж, экзаменаторы и Объединенная коллегия адвокатов – только они вправе определять, достоин он быть солиситором или нет. Но сейчас ему не терпится прибежать домой и поделиться с отцом.

– Позволь спросить. – Аптон, судя по его тону, смягчился, а потому Джордж решает, что напоследок можно будет еще раз ему поддакнуть. – Что это у тебя на руках?

Джордж, подняв перед собой руки в печатках, машинально растопыривает пальцы.

– Вот это? – уточняет он. Сержант явно не в себе.

– Да-да.

– Перчатки.

– Что ж, коль скоро ты обезьянка смышленая, да еще и метишь в со-ли-си-то-ры, да будет тебе известно, что перчатки выдают Преступный Умысел, понятно?

С этими словами он еще раз сплевывает и топает дальше по переулку. Джордж не в силах сдержать слезы.

Подходя к дому, он сгорает от стыда. В шестнадцать лет плакать не дозволяется. Хорас, например, с восьми лет не плачет. Зато Мод плачет все время, но ведь она девочка, да еще слаба здоровьем.

Выслушав его рассказ, отец заявляет, что будет писать главному констеблю – начальнику полиции графства Стаффордшир. Это форменное безобразие: на дороге общественного пользования какой-то сержант распускает руки и объявляет юношу вором. Такому служителю порядка не место в полицейском корпусе.

– По-моему, он чокнутый, отец. Он два раза в меня плюнул.

– Он в тебя плюнул?

Джордж задумывается. Его все еще трясет от страха, но это, понятно, не дает ему права отступать от истины.

– Точно сказать не берусь, отец. Он стоял в шаге от меня и дважды плюнул совсем рядом с моей ногой. Возможно, он просто отхаркивался, как делают невоспитанные люди. Но при этом было видно, что он на меня сердит.

– Ты считаешь, это веское доказательство злонамеренности?

Джордж доволен: с ним беседуют как с будущим адвокатом-солиситором.

– Вероятно, нет, отец.

– Согласен. Хорошо. Я воздержусь от упоминания плевков.

Через три дня на имя преподобного Шапурджи Эдалджи приходит датированный двадцать третьим января тысяча восемьсот девяносто третьего года ответ от капитана, достопочтенного Джорджа А. Энсона, начальника полиции графства Стаффордшир. Ответ не содержит ожидаемых извинений и обещаний принять меры. Энсон пишет:

> Будьте любезны спросить у вашего сына Джорджа, от кого был получен ключ, лежавший у вас на крыльце 12 дек. Вышеуказанный ключ был похищен, но если будет доказано, что здесь имела место бездумная проделка или скверная шутка, я не буду настаивать на открытии дела. Если же лица, причастные к хищению ключа, откажутся дать надлежащие разъяснения, мне неизбежно придется заняться этой историей вплотную и квалифицировать ее как кражу.
>
> Сразу заявляю, что не стану изображать доверие, если ваш сын вздумает отговариваться неведением. Я располагаю информацией, полученной из источника, не связанного с полицией.

Викарий уверен в своем сыне: это порядочный, достойный юноша. Ему бы только закалить нервную систему, унаследованную, похоже, от матери, но он старается и уже близок к достижению цели. Настало время обращаться с ним как со взрослым. Отец показывает Джорджу полученный ответ и просит высказать свое мнение.

Дважды перечитав письмо, Джордж берет паузу, чтобы собраться с мыслями.

– На дороге, – медленно начинает он, – сержант Аптон обвинил меня в том, что я, оказавшись в Уолсолле, похитил ключ от школы. В свою очередь, главный констебль обвиняет меня в сговоре с другим лицом или с несколькими лицами. Один из сообщников якобы выкрал ключ, а затем я принял у него похищенный предмет, с тем чтобы подбросить его нам на крыльцо. По всей вероятности, полицейские выяснили, что в Уолсолле я не бывал уже два года. Во всяком случае, свою версию они изменили.

– Да. Хорошо. Согласен. Что еще приходит тебе на ум?

– Мне приходит на ум, что оба они наверняка чокнутые.

– Это детское словечко, Джордж. Но так или иначе, наш христианский долг – пожалеть и возлюбить слабых рассудком.

– Прошу меня простить, отец. Тогда мне приходит на ум только вот что: они… они явно меня подозревают, но в чем – непонятно.

– А как по-твоему, на что он намекает, когда пишет: «Я располагаю информацией, полученной из источника, не связанного с полицией».

– Должно быть, он намекает, что ему прислали порочащее меня письмо. А впрочем… впрочем, нельзя исключать, что он искажает истину. Притворяется, будто знает то, о чем в действительности не имеет представления. Возможно, это попросту блеф.

Шапурджи улыбается сыну:

– С твоим зрением, Джордж, сыщиком не стать. Но с такими мозгами ты станешь отличным адвокатом.

Артур

Артур с Луизой не стали венчаться в Саутси. Не стали они венчаться и в графстве Глостершир, а именно в Минстеруорте, родном приходе невесты. Не стали венчаться и в том городе, где появился на свет Артур.

Уехав из Эдинбурга новоиспеченным медиком, Артур покинул матушку, брата Иннеса и трех младших сестер: Конни, Иду и крошку Джулию. При них остался еще один домочадец – доктор Брайан Уоллер, предполагаемый поэт, бессменный квартирант, субъект, чертовски легко ладивший со всем миром. Хотя Артур был признателен Уоллеру за репетиторство, душу ему до сих пор точил какой-то червячок. Жилец, как подозревал Артур, помогал ему не вполне бескорыстно; а в чем именно заключалась корысть, дознаться так и не удалось.

После отъезда Артур представлял, как Уоллер, недолго думая, откроет в Эдинбурге частную практику, женится, заработает себе репутацию местного масштаба и превратится в туманное воспоминание. Однако все обернулось иначе. Ринувшись в необъятный мир, чтобы прокормить свою беззащитную родню, Артур очень скоро узнал, что его семью уже взял под покровительство Уоллер – сунулся, черт бы его побрал, куда не просят. Освоился, точно кукушонок в чужом гнезде (в письмах к матушке Артур старательно избегал этого образа). Приезжая навестить родных, Артур доверчиво ждал, что фамильная сага, приостановленная после его прошлого визита, возобновится ровно с того места, где прервалась. И всякий раз убеждался, что эта семейная история – его любимая история – благополучно продолжалась в обход его. Он выхватывал то какое-нибудь словцо, то неожиданный взгляд или намек, то забавный эпизод, в котором сам уже не фигурировал. В его отсутствие здесь текла какая-то иная жизнь, воодушевляемая, судя по всему, фигурой квартиранта.

Частную практику Брайан Уоллер не открыл, да и стишки пописывал сугубо дилетантски. Получив в наследство усадьбу в Инглтоне, что в западной части Йоркшира, он стал вести праздную жизнь английского сквайра. В распоряжении кукушонка оказалось двадцать четыре акра лесистой местности, окружавшей серое каменное гнездо под названием Мейсонгилл-хаус. Что ж, оно бы и к лучшему, да только Артур, едва свыкнувшись с этой доброй вестью, получил от матушки письмо, где говорилось, что они с Идой и Додо тоже прощаются с Эдинбургом – и тоже перебираются в усадьбу Мейсонгилл, где для них уже почти готов отдельный домик. Матушка даже не пыталась приводить доводы – хотя бы такие, как здоровый воздух и болезненное дитя, – а просто поставила сына перед фактом. Точнее, перед свершившимся фактом. Впрочем, нет, одно оправдание все же нашлось: баснословно низкая арендная плата.

Устроив этот переезд, Уоллер, по мнению Артура, совершил похищение вкупе с предательством. Истинно благородный рыцарь представил бы дело так, будто это таинственное наследство свалилось непосредственно на матушку и ее дочерей, а сам уехал бы куда подальше в поисках долгих и желательно рискованных приключений. Помимо всего прочего, истинно благородный рыцарь не обольстил бы ни Лотти, ни Конни – уж одна-то из них наверняка пала его жертвой. Доказательствами Артур не располагал, – возможно, дело не зашло дальше флирта, внушившего бедняжкам напрасные надежды, но что-то здесь было нечисто, если определенные намеки и женские умолчания могли считаться подтверждением его догадок.

Увы, на этом подозрения Артура не заканчивались. При всей своей тяге к ясности и определенности молодой человек попал туда, где ясности недоставало, а кое-какие определенности оказались попросту неприемлемы. Что Уоллер стал более чем жильцом, было ясно как день. Из разговоров следовало, что он друг дома, а то и член семьи. Разумеется, сам Артур такого не говорил: ему не требовался старший брат, свалившийся как снег на голову, а тем более матушкин любимчик, которому предназначалась совершенно особая улыбка. Шестью годами старше Артура, Уоллер был моложе матушки на пятнадцать лет. Чтобы защитить материнскую честь, Артур сжег бы себе руку; его принципы, семейные ценности, чувство долга перед родными – всем этим он был обязан матери. И все же порой его посещала мысль: а как на такое положение вещей посмотрели бы в суде? Какие можно было бы дать показания, какие предположения возникли бы у присяжных? Да вот хотя бы по

такому поводу: его отец, горький пьяница, не вылезал из лечебниц, а последнего ребенка мать родила в ту пору, когда Брайан Уоллер уже внедрился к ним в семью, и малютка-дочь получила четыре христианских имени. Последние три – Мэри-Джулия-Жозефина; в быту ее называли уменьшительно: Додо. Но первое имя новорожденной было Брайан. Не говоря уже об очевидном, Артур не мог согласиться, что Брайан – это женское имя.

Пока Артур ухаживал за Луизой, отец его в стенах лечебницы исхитрился раздобыть спиртное и, пытаясь сбежать, выбил окно, после чего был переведен в дом хроников «Монтроуз ройал». Шестого августа тысяча восемьсот восемьдесят пятого года Артур и Туи обвенчались в церкви Святого Освальда, в йоркширском городке Торнтон-ин-Лонсдейл. Жениху было двадцать шесть лет, невесте двадцать восемь. Свидетель со стороны жениха не принадлежал ни к боулинг-клубу города Саутси, ни к Портсмутскому научно-литературному обществу, ни к масонской ложе «Феникс» номер 257. Всеми приготовлениями ведала матушка, а потому шафером Артура стал Брайан Уоллер, который, похоже, успел взять на себя миссию поставщика бархатных платьев, очков в золотой оправе и удобных кресел у камина.

Джордж

Отдергивая шторы, Джордж видит посреди лужайки большой молочный бидон и подзывает отца. Они одеваются и выходят посмотреть. Крышки у бидона нет; Джордж заглядывает внутрь – на дне лежит мертвая птица. Они поспешно хоронят ее за компостной кучей. Джордж согласен, что матери следует рассказать только про бидон, который уже вынесен в переулок, но не про его содержимое.

На другой день Джордж получает открытку с видом гробницы в церкви поселка Бруд и портретом мужчины с двумя женами. На обороте сказано: «Может, тряхнешь стариной и продолжишь писать гадости на стенах?»

На имя отца приходит письмо, нацарапанное тем же самым неряшливым почерком: «С каждым днем, с каждым часом крепнет моя ненависть к Джорджу Эдалджи. И к твоей жене, будь она проклята. И к вашей мерзкой девчонке. Неужели ты, фарисей, возомнил, что тебе, как пастору, Господь простит все прегрешения?» Это письмо Джорджу не показывают.

Отцу с сыном приходит послание, адресованное обоим:

> Ха-ха-ха!
> Аптону – ура! Добрый старый Аптон!
> Благословенный Аптон.
> Добрый старый Аптон!
> Хвала тебе!
> Милый старый Аптон!
> Встанем за Аптона,
> Все горой за Аптона.
> Вы, рыцари Креста,
> Несите выше королевский стяг.
> Чтоб он не пострадал.

Викарий с женой принимают решение отныне собственноручно вскрывать всю корреспонденцию, поступающую к ним в дом. Нужно любой ценой оградить Джорджа от возможных помех в учебе. Поэтому он остается в неведении относительно письма, которое начинается так: «Богом клянусь я кой с кем поквитаюсь ибо в этом мире мне нужна только месть, месть, слаткая месть, а потом вазрадуюсь в аду». Не видел он и другого письма, где сказано: «Не пройдет и года, как твой щенок будет либо похоронен, либо навек опозорен». Зато

Джорджа знакомят с первыми строками другого послания: «Ты фарисей и ложный пророк ты оклеветал и выжил Элизабет Фостер все ты со своей проклятой бабой».

Письма приходят все чаще. Написанные на дешевой линованной бумаге, вырванной из тетрадки, отправлены они из Кэннока, Уолсолла, Ружли, Вулвергемптона, а то и прямо из Уэрли. Что с ними делать, викарий не знает. Учитывая, как повел себя Аптон, а следом и главный констебль, жаловаться в полицию бесполезно. По мере того как стопка писем растет, викарий берет на карандаш основные темы: выгораживание Элизабет Фостер, неуемные восхваления сержанта Аптона и всего полицейского корпуса, жгучая ненависть к семье Эдалджи, а между строк – явный или притворный религиозный фанатизм. Рука всякий раз немного иная: так бывает, когда нужно изменить свой почерк.

Шапурджи молится о просветлении. Молится о терпении, о своей семье и – с некоторой неохотой, просто из чувства долга – об отправителе этих писем.

Джордж уезжает в Мейсон-колледж еще до утренней доставки почты, но по возвращении домой, как правило, безошибочно определяет, поступило ли в этот день анонимное письмо. Мать держится с напускным оживлением и перескакивает с одной темы на другую, как будто молчание, подобно силе тяготения, способно вдавить их всех в землю, в грязь и мерзость. Отец, хуже владеющий светским притворством, с отрешенным видом сидит во главе стола, как гранитный памятник самому себе. Такая реакция каждого из родителей действует на нервы другому; Джордж, пытаясь придерживаться золотой середины, говорит больше, чем отец, но меньше, чем мать. Что же до Хораса и Мод – эти, никем не одергиваемые, болтают напропалую; лавина писем им только на руку, но это до поры до времени.

Вслед за ключом и бидоном вокруг дома викария появляются и другие предметы. На приоконном выступе – оловянный половник, на газоне – пригвожденная садовыми вилами кроличья тушка, на ступеньках парадного входа – три разбитых яйца. Каждое утро Джордж с отцом обыскивают весь участок; только после этого матери и обоим младшим детям разрешают выйти за порог. Однажды на газоне обнаруживаются лежащие через равные промежутки двадцать мелких монет; викарий принимает решение считать их пожертвованием на нужды церкви. Время от времени появляются мертвые, в основном задушенные птицы, а однажды на самом видном месте вырастает кучка экскрементов. Изредка Джордж ощущает не то чтобы присутствие неведомого наблюдателя, а скорее близкое отсутствие, чье-то стремительное исчезновение. Но выследить, а тем более задержать никого не удается.

Далее в ход идут фальшивки. После воскресной службы мистер Бекуорт с фермы «Хэнговер», пожав руку викарию, подмигивает и говорит:

– Вы, как я погляжу, прибыльное дельце затеяли.

Видя недоумение Шапурджи, Бекуорт протягивает ему вырезку из «Кэннокского скорохода». Это рекламное объявление в затейливой рамочке:

Достойные, благовоспитанные барышни
из хороших семей готовы сочетаться узами брака
с обеспеченными, порядочными джентльменами.
Желающие познакомиться могут обращаться
к преподобному Ш. Эдалджи, приход Грейт-Уэрли.
Оплата по таксе.

Викарий отправляется в редакцию газеты и узнает, что некто оплатил еще три публикации этого объявления. Рекламодателя никто в глаза не видел: текст прислали в почтовом конверте вместе с квитанцией о денежном переводе. Заведующий коммерческим отделом выражает свое сочувствие и предлагает, естественно, приостановить размещение этой рекламы. Пусть только злоумышленник попробует скандалить или требовать назад свои деньги – редколлегия, поверьте, тут же вызовет полицию. Нет-нет, на редакционной полосе, надо думать,

этот казус освещаться не будет. При всем уважении к духовенству газета дорожит своей репутацией, но если раструбить на весь свет, что здесь напечатана фальшивка, это подорвет доверие ко всем другим материалам. Шапурджи возвращается домой; на крыльце, с трудом сдерживая праведный гнев, его ждет прибывший из Норфолка молодой рыжеволосый помощник приходского священника. Ему не терпится выяснить, как мог собрат во Христе призвать его в другое графство по какому-то важному духовному делу, связанному, видимо, с необходимостью изгнания бесов, даже не поставив в известность свою благоверную. Да вот же оно, ваше письмо, вот ваша подпись. Шапурджи объясняет, что к чему, и приносит свои извинения. Молодой священнослужитель просит возместить ему дорожные расходы.

Затем единственную служанку в доме вызывают в Вулвергемптон для опознания ее несуществующей сестры, якобы упавшей замертво в пивной. Одна за другой приходят посылки: полсотни льняных салфеток, дюжина грушевых саженцев, двойной толстый филей говяжьей туши, шесть ящиков шампанского, пятнадцать галлонов черной краски; приходится оформлять возврат. В газетах публикуются объявления о сдаче внаем комнат в доме викария, причем по таким бросовым ценам, что от желающих нет отбоя. Рекламируется также аренда конюшни; предлагается конский навоз. От имени викария рассылаются письма частным сыщикам с просьбой об оказании профессиональных услуг.

Через несколько месяцев такой травли Шапурджи решает нанести ответный удар и подготавливает протест, в котором описывает не только эти события, но и анонимные письма – их содержание, особенности почерка и стиля, а также указывает место и время отправления. Он дает право редакторам газет отклонять от его имени все подобные публикации, просит читателей сообщать о любых своих подозрениях и взывает к совести злоумышленников.

Через двое суток, ближе к вечеру, под дверью черного хода обнаруживается битая супница с мертвым дроздом внутри. На другой день в дом заявляется судебный пристав, дабы описать имущество в счет какого-то мифического долга. Вслед за тем из Стаффорда приезжает портной, чтобы снять мерку с Мод для пошива свадебного платья. Когда же к нему без единого слова подводят Мод, он вежливо интересуется, не отдают ли ее, как малолетнюю невесту, замуж по некоему индуистскому обряду. Во время этой сцены на имя Джорджа доставляют пять водонепроницаемых курток.

А через неделю в трех газетах помещают ответ на заявление викария. Обведенный жирной рамкой текст озаглавлен «Извинение». Там сказано:

> Мы, нижеподписавшиеся, оба – жители прихода Грейт-Уэрли, настоящим берем на себя ответственность за сочинение и написание ряда оскорбительных анонимных писем, направленных различным адресатам за истекшие двенадцать месяцев. Сожалеем о своих инсинуациях, а также о выпадах против мистера Аптона, сержанта полиции из Кэннока, и против Элизабет Фостер. Мы усовестились, как нам было рекомендовано, и приносим извинения всем затронутым лицам, включая представителей духовенства и преступного мира.
> *Подписано: Дж. Э. Т. Эдалджи и Фред-к Брукс.*

Артур

Артур любил разглядывать все, будь то мутный глаз умирающего кита, содержимое желудка подстреленной птицы или посмертная релаксация несостоявшегося шурина. К такой привычке надо относиться без предрассудков: для врача это насущная необходимость, а для простого обывателя – моральный императив.

В эдинбургской городской больнице, как он охотно рассказывал, его приучали развивать у себя внимательный взгляд. Тамошний хирург, Джозеф Белл, который симпатизировал этому крупному, увлеченному молодому человеку, доверил ему первичный амбулаторный прием. Артур должен был осмотреть больного, оформить медицинскую карту, внести туда первоначальные сведения и проводить человека в кабинет доктора Белла, где тот восседал в окружении своих ассистентов. Поприветствовав очередного пациента, Белл умолкал, а сам с необычайной проницательностью старался сделать как можно больше выводов относительно его наклонностей и образа жизни. Потом, к изумлению присутствующих, а особенно самого пациента, хирург объявлял: перед нами – француз, по профессии шлифовальщик; перед нами – сапожник, причем левша. Артуру врезался в память следующий диалог[3]:

– Что, приятель, служили в армии?

– Да, сэр.

– Вышли в отставку не так давно?

– Недавно, сэр.

– Хайлендский полк?

– Да, сэр.

– Сержант?

– Да, сэр.

– Стояли на Барбадосе?

– Да, сэр.

Это был трюк, но трюк без обмана: вначале таинственный, а после некоторых объяснений – элементарный.

– Видите, джентльмены, держится и выглядит этот человек прилично, но шляпу не снял. Так ведут себя армейские, хотя, будь он в отставке не первый год, усвоил бы штатские манеры. Смотрит властно, на вид явный шотландец. Что касается Барбадоса, то слоновая болезнь, которою он страдает, распространена в Вест-Индии, а не в Британии.

В свои самые восприимчивые годы Артур набирался знаний в этой школе медицинского материализма. Весь донный осадок официальной религии был вычищен, но метафизическое уважение к ней сохранилось. Артур допускал существование единого разумного начала, но определить это начало затруднялся, а кроме того, не мог понять, почему замыслы Его осуществляются столь косвенным, а иногда просто чудовищным образом. Что же касается рассудка и души, здесь Артур склонялся к современным ему научным воззрениям. Рассудок является эманацией мозга, точно так же как желчь является экскрецией печени, то есть сугубо физической субстанцией; душа, в свою очередь, если такой термин вообще имеет право на существование, – это результат совокупного взаимодействия всех наследственных и индивидуальных проявлений рассудка. Но признавал он и то, что знания никогда не стоят на месте и что сегодняшние неоспоримые мнения – это завтрашние предрассудки. А следовательно, интеллектуальная обязанность смотреть со всем вниманием никогда не утрачивает своей силы.

Портсмутское научно-литературное общество, собиравшееся во второй вторник каждого месяца, объединяло в своих рядах наиболее способные к абстрактному мышлению умы города. Коль скоро у всех на устах была телепатия, Артур однажды оказался вместе с городским архитектором Стэнли Боллом в комнате без зеркал, с наглухо зашторенными окнами. Мужчины уселись спиной друг к другу на расстоянии нескольких шагов; держа на колене блокнот, Артур набросал в нем определенное изображение и попытался за счет мощной концентрации передать этот образ Боллу. В свою очередь архитектор тоже нарисовал

[3] Здесь и далее цит. по: *Конан Дойл А.* Воспоминания и приключения. Ранние воспоминания / Пер. Л. Бриловой // *Конан Дойл А.* Этюд в багровых тонах. Приключения Шерлока Холмса. СПб.: Азбука, 2016.

некую форму, подсказанную, видимо, его собственным рассудком. Поменявшись ролями, они повторили процедуру: архитектор выступил как отправитель мыслительного образа, а врач – как получатель. К их обоюдному изумлению, результаты выходили далеко за рамки случайных совпадений. Эксперимент был повторен многократно, что позволило сделать научно обоснованный вывод, а именно: при условии взаимного душевного расположения отправителя и получателя передача мысли на расстоянии действительно возможна.

Что же отсюда следовало? Если мысль способна передаваться на расстоянии без каких-либо явных вспомогательных средств, то голый материализм наставников Артура оказывался по меньшей мере слишком формалистическим. Степень совпадения изображений, какой достигли Артур и Стэнли Болл, еще не допускала возвращения ангелов со сверкающими мечами, но уже вызывала вопрос, причем неумолимый.

Одновременно многие другие тоже налегали на бронированные стены материалистической вселенной. Профессор де Мейер, гипнотизер, известный, если верить портсмутским газетам, всей Европе, приехал в город и подчинил своей воле целый ряд здоровых молодых людей. Одни под хохот публики стояли разинув рты и не могли сомкнуть челюсти; другие падали на колени и не могли встать без разрешения профессора. Артур тоже занял очередь на сцену, но приемы Мейера на него не подействовали и не произвели впечатления. Они больше подходили для водевиля, нежели для научного показа.

Вдвоем с Туи они начали посещать спиритические сеансы. Нередко туда приходил Стэнли Болл, а еще генерал Дрейсон, астроном из Саутси. В парапсихологическом еженедельнике «Лайт» они нашли руководство по ведению сеанса. Процедура начиналась с чтения первой главы Иезекииля: «Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух». Видение пророка – бурный ветер и великое облако, клубящийся огонь и сияние вокруг него, четыре херувима, и у каждого четыре лица, и у каждого четыре крыла – обостряло восприятие присутствующих. Потом – огонек свечи, фетровая полутьма, сосредоточенность, опустошение себя и совместное ожидание. Однажды за спиной у Артура появился дух, откликнувшийся на имя его двоюродного деда; в другой раз – чернокожий с копьем. Через несколько месяцев каждый, даже Артур, время от времени получал возможность увидеть призрачное мерцание.

Артур сомневался, что эти коллективные сеансы доказательны. Убедил его престарелый медиум, с которым он познакомился в гостях у генерала Дрейсона. После всевозможных приготовлений, не лишенных налета театральности, этот старик, тяжело дыша, впал в транс и начал раздавать притихшим участникам свои советы и сообщения духов. Артур пришел туда с изрядной долей скепсиса, но в какой-то момент на нем остановился затуманенный взор, и слабый, далекий голос произнес: «Не читай Ли Ханта».

Это было поистине сверхъестественно. Вот уже несколько дней Артур не мог решить, браться ему или нет за книгу Ханта «Комедиографы Реставрации». Вопрос этот он не обсуждал ни с кем; не такая уж это была дилемма, чтобы обращаться с ней к Туи. Но получить столь уверенный ответ на невысказанный вопрос… О подтасовке нечего было и думать; такое могло осуществиться только за счет проникновения сознания одного человека в сознание другого каким-то необъяснимым на сегодняшний день способом.

Новый опыт оказался столь убедительным, что Артур описал его в еженедельнике «Лайт». Просто чтобы лишний раз подтвердить существование телепатии; пока не более того. Этот случай засвидетельствовал он сам: каков же не максимум, а минимум, необходимый и достаточный? Впрочем, по мере накопления достоверных сведений могла возникнуть необходимость рассмотреть нечто большее, чем минимум. Что, если прежние его убеждения окажутся не столь убедительными? И, к слову, каким будет максимум?

Увлечение мужа телепатией и спиритизмом Туи воспринимала с тем же сочувственным и внимательным интересом, какой проявляла к его другой страсти – спорту. Законы парапси-

хологии оставались для нее столь же мистическими, как и правила крикета, но она чувствовала, что в обоих случаях важен результат, и благодушно полагала, что Артур, добившись результата, непременно ей сообщит. А кроме того, ее вниманием теперь полностью завладела их дочь, Мэри Луиза, которая появилась на свет благодаря действию наименее мистических и наименее телепатических законов из всех, какие только известны человечеству.

Джордж

Газетное «извинение» Джорджа открывает викарию новое направление поисков. Он заходит к хозяину скобяной лавки Уильяму Бруксу, отцу Фредерика Брукса, якобы одного из двух «нижеподписавшихся». Лавочник, приземистый толстячок в зеленом фартуке, проводит Шапурджи в подсобное помещение, где по стенам развешаны щетки, ведра и оцинкованные корыта. Сняв фартук, он достает из ящика стола с полдюжины подметных писем, полученных его семьей, и протягивает их посетителю. Тот видит знакомые тетрадные листки; почерк, правда, немного другой. «Если не дашь отлуп черномазому я тебя прикончу и миссис брукс тоже ваши имена я знаю и скажу что вы мне писали». Остальные листки исписаны более уверенной рукой, хотя почерк, по всей видимости, изменен. «На вокзале в Уолсолле двое щенков, твой и Уинна, плевали в лицо старушке». В качестве возмещения отправитель требует перевести денежную сумму на адрес почты в Уолсолле. В следующем письме, подколотом к этому, содержится угроза подать в суд, если требование не будет выполнено.

– Полагаю, никаких денег вы не отправляли.

– Еще не хватало.

– Но письма-то предъявили полицейским?

– Полицейским? Только время тратить, ихнее и мое. Делов-то – это ж мальчишки, верно? Как в Библии сказано: от палок да камней не соберешь костей, а брань, известное дело, на вороту не виснет.

Викарий даже не пеняет ему за ошибку в указании источника. По его мнению, лавочник ведет себя как-то беспечно.

– Неужели вы просто убрали письма в ящик – и все?

– Ну, поспрошал в округе. У Фреда, опять же, вызнал, что ему известно.

– А кто такой этот мистер Уинн?

Оказывается, Уинн – торговец мануфактурой, живет дальше по дороге, в Блоксвиче. Сын его – одноклассник Фреда Брукса. Каждое утро мальчики вместе садятся в поезд, а потом вместе возвращаются. Было дело – лавочник не уточняет, насколько давно, – ребят задержали, когда они якобы разбили окно в вагоне. Оба божились, что это сделал совсем другой парень, по фамилии Шпек, и в конце концов управление железной дороги решило не доводить дело до суда. И первое письмо пришло аккурат через пару недель после этих событий. Может, и есть тут какая-то связь. А может, нету.

Теперь викарий понимает причину такого равнодушия. Нет, лавочник понятия не имеет, кто такой Шпек. Нет, мистер Уинн никаких писем не получал. Нет, сын Уинна и сын Брукса не водятся с Джорджем. Оно и неудивительно. Перед ужином Шапурджи передает этот разговор Джорджу и заявляет, что окрылился.

– Что вас окрылило, отец?

– Чем больше народу будет вовлечено в эту историю, тем выше вероятность, что негодяя найдут. Чем большему числу людей он станет отравлять жизнь, тем вероятнее, что где-то у него выйдет осечка. Тебе что-нибудь говорит фамилия Шпек?

– Шпек? Нет. – Джордж мотает головой.

– В некотором отношении меня окрылило и то, что на семью Брукса тоже велись нападки. Они доказывают, что дело не ограничивается расовыми предрассудками.

– Разве это хорошо, отец? Когда для ненависти находится более одной причины?

Шапурджи мысленно улыбается. Его всегда восхищают такие вспышки интеллекта у послушного и преимущественно замкнутого подростка.

– Не боюсь повториться: с такими мозгами ты станешь отличным адвокатом.

Однако даже сейчас ему вспоминается строчка из одного письма, которое он скрыл от сына: «Не пройдет и года, как твой щенок будет либо похоронен, либо навек опозорен».

– Джордж, – заговаривает он, – хочу, чтобы ты запомнил одну дату. Шестое июля тысяча восемьсот девяносто второго года. Как раз два года назад. В тот день мистер Дадабхой Наороджи был избран в парламент от лондонского округа Финсбери-Сентрал.

– Понимаю, отец.

– Мистер Наороджи много лет преподавал гуджарати в лондонском Университетском колледже. Одно время мы с ним переписывались, и я горжусь, что он похвалил мою «Грамматику языка гуджарати».

– Да, отец. – Джордж не раз видел это письмо, когда оно извлекалось на свет.

– Его избрание стало почетным завершением весьма позорной истории. Премьер-министр, лорд Солсбери, заявил, что темнокожие не должны и никогда не будут избираться в парламент. За эти слова его упрекнула сама королева. А по прошествии всего четырех лет избиратели округа Финсбери-Сентрал встали на сторону королевы Виктории, а не лорда Солсбери.

– Но я же не парс, отец.

В голове у Джорджа всплывают заученные слова: в центре Англии; пульсирующее сердце Британской империи; кровь, струящаяся по артериям и венам Империи – Англиканская церковь. Он – англичанин, изучает английские законы и когда-нибудь, Бог даст, женится по обряду Англиканской церкви. Так его воспитали родители.

– Это, в сущности, верно, Джордж. Ты – англичанин. Однако порой находятся люди, которые не до конца с этим согласны. А там, где мы живем…

– В центре Англии, – подхватывает Джордж, словно отец наставляет его, как в детстве перед сном.

– Вот именно, в центре Англии, где нам довелось обосноваться и где я служу без малого двадцать лет, в центре Англии – притом что все рабы Божии в равной степени благословенны – еще встречается некоторая косность, Джордж. И в дальнейшем тебе придется сталкиваться с человеческой косностью там, где меньше всего ее ожидаешь. Она бытует во всех слоях общества и зачастую трудно предсказуема. Но если мистер Наороджи стал профессором университета и прошел в Палату общин, то и тебе, Джордж, по плечу стать адвокатом-солиситором и уважаемым членом общества. А случись тебе столкнуться с несправедливостью или даже с подлостью, непременно вспомни эту дату: шестое июля тысяча восемьсот девяносто второго года.

Джордж задумывается, а потом негромко, но твердо повторяет:

– Я же не парс, отец. Вы с мамой сами меня так учите.

– Ты, главное, запомни эту дату, Джордж, запомни дату.

Артур

Артур стал писать более профессионально. По мере того как он накачивал литературные мускулы, его рассказы перерастали в романы, а лучшие сюжеты разворачивались, естественно, в героическом четырнадцатом столетии. После ужина каждая написанная страница прочитывалась вслух для Туи, а законченное произведение отсылалось на отзыв матушке. Кроме того, у Артура появился личный секретарь и переписчик: Альфред Вуд, учитель

портсмутской гимназии, тактичный и старательный, с честным взглядом аптекаря, да к тому же заядлый спортсмен, неплохо проявивший себя в крикете.

Тем не менее средства к существованию Артур пока добывал медициной. Но для того, чтобы двигаться к вершинам профессии, требовалась специализация, для которой он как раз созрел – и сам это понял. Он всегда гордился своей способностью внимательно всматриваться, а потому без подсказки голоса свыше и вздрагивающего стола озвучил собственный выбор: офтальмология. Уклоняться и медлить было не в его натуре, и он сразу наметил самое подходящее место стажировки.

– Вена? – недоуменно переспросила Туи, ни разу не выезжавшая за пределы Англии. Стоял ноябрь, приближалась зима, крошка Мэри только-только начала делать первые шаги, да и то если держать ее за поясок. – Когда отправляемся?

– Незамедлительно, – отозвался Артур.

И Туи – храни ее Господь – прошептала, отложив рукоделие:

– Тогда мне нужно поторопиться.

Они продали дом, оставили Мэри на попечение миссис Хокинс и уехали на полгода в Вену. Артур записался на курс лекций по глазным болезням, объявленный клиникой «Кранкенхаус», но вскоре понял, что знаний немецкого, полученных во время прогулок с двумя школярами-немцами, чья разговорная речь была далека от изящества, не вполне хватает для восприятия беглой профессорской речи, насыщенной узкоспециальными терминами. При этом австрийский морозец обещал великолепные катки, а город – великолепные пирожные; Артур успел настрочить повесть «Открытие Рафлза Хоу», покрывшую все венские расходы. Впрочем, через пару месяцев он признал, что куда полезнее было бы пройти стажировку в Лондоне. Туи откликнулась на изменение планов со своей обычной невозмутимостью и собранностью. Возвращались они через Париж, где Артур сумел посетить несколько семинаров Ландольта.

Представив дело так, будто он прошел стажировку в двух странах, Артур снял помещение на Девоншир-Плейс, вступил в Офтальмологическое общество и подготовился к приему пациентов. Он также рассчитывал на заказы от светил науки, которым недосуг высчитывать диоптрии. Не каждый согласится ишачить на других, но Артур считал, что, став специалистом, без работы всяко не останется.

На Девоншир-Плейс его практика состояла из закутка, где могли ожидать приема больные, и собственно кабинета. Через пару недель Артур стал шутить, что на самом деле это две приемные, поскольку приема ожидает он сам. Чтобы не томиться от безделья, он садился за стол и писал. Набив руку в литературной игре, Артур отдал дань одному из тогдашних поветрий: журнальной беллетристике. Он любил преодолевать трудности, а трудность заключалась в следующем. Журналы печатали два вида произведений: либо длинные романы с продолжением, которые неделями, а то и месяцами удерживали внимание читающей публики, либо законченные по содержанию короткие рассказы. Недостаток второй формы состоял в том, что она не всегда давала возможность прокормиться. А кто останавливался на первой форме, тот не мог пропустить ни единого номера без ущерба для сюжета. Практический склад ума подсказал Артуру, как обойти эту дилемму: взять да объединить преимущества обеих форм и создать цикл рассказов, цельных по содержанию, но объединенных сквозными персонажами для подогрева читательских симпатий или антипатий.

Итак, ему требовался такой главный герой, который с необходимостью пускается в разные авантюры, как запланированные, так и внезапные. Понятно, что большинство профессий отпадало сразу. Обдумывая этот план у себя на Девоншир-Плейс, он сообразил, что уже создал подходящего кандидата. В паре его произведений – правда, не слишком удачных – фигурировал детектив-аналитик, списанный, по сути, с эдинбургского клинициста Джозефа Белла: острая наблюдательность вкупе с беспроигрышной дедукцией давала ему ключ

к медицинским и криминалистическим заключениям сразу. Вначале Артур назвал своего персонажа Шеридан Хоуп. Но это звучало неудобоваримо, и по ходу дела герой был переименован в Шеррингфорда Холмса, а затем получил, как впоследствии стало казаться, единственно возможное имя: Шерлок Холмс.

Джордж

Письмам и фальшивкам нет конца; призвав злоумышленника иметь совесть, Шапурджи, похоже, только спровоцировал продолжение. В газетах сообщается, что дом викария превращен в ночлежку; что в нем устроена скотобойня; что там можно заказать по почте бесплатные образцы дамских корсетных изделий. Джордж фигурирует то как окулист, то как законник, предлагающий безвозмездные консультации, то как организатор поездок в Индию и на Дальний Восток, готовый позаботиться о билетах и проживании. Угля доставляют столько, что хоть снаряжай в плаванье линкор; наряду с энциклопедиями в дом приносят живых гусей.

Существовать в постоянном нервном напряжении больше нет сил, и через некоторое время домочадцы кое-как приспосабливаются к этим издевательствам. С первыми лучами солнца у ворот выставляется пост: рассыльных либо тут же разворачивают, либо заставляют оформить возврат; жаждущим приобщиться к эзотерическим практикам отказывают, принося извинения. Шарлотта даже приноравливается успокаивать служителей культа, которых вызвали из дальних стран просьбами о безотлагательной помощи.

По окончании Мейсон-колледжа Джордж устраивается стажером в одну из бирмингемских адвокатских контор. По утрам, садясь в поезд, он терзается муками совести, поскольку оставил родных; да и вечер не приносит облегчения, а лишь внушает новые тревоги. Отец, по мнению Джорджа, в этих критических обстоятельствах ведет себя своеобразно: читает ему краткие лекции о всегдашнем чрезвычайно благосклонном отношении англичан к парсам. От него Джордж узнает, что самый первый индус, посетивший Британию, был парсом; что первый индус, изучавший христианское богословие в британском университете, тоже был из парсов, равно как и первый индийский юноша – выпускник Оксфорда, а вслед за ним и первая индийская девушка-выпускница; равно как и первый уроженец Индии, заседавший в суде, и первая женщина-судья – уроженка Индии. Первым индусом среди английских чиновников в Индии стал парс. Шапурджи рассказывает сыну о врачах и адвокатах, учившихся в Британии; о благотворительной деятельности парсов во время картофельного голода в Ирландии, об их бескорыстной помощи бедствующим фабричным рабочим Ланкашира. Рассказывает он даже о том, как в Англию впервые приехала индийская сборная по крикету – сплошь парсы. Но Джордж совершенно не интересуется крикетом; отцовские маневры не могут поддержать его дух, а только повергают в отчаяние. Когда их семья получает приглашение на торжества по случаю избрания в парламент по округу Северо-Восточный Бетнал-Грин еще одного парса, Мунчерджи Бхаунагри, Джордж чувствует, как в нем закипает постыдный сарказм. Почему бы не обратиться к этому новоиспеченному парламентарию – пусть избавит их от поставок угля, энциклопедий и живых гусей.

Шапурджи больше тревожат не поставки, а письма. В них все явственнее просматривается религиозный маньяк. Подписаны они то «Бог», то «Вельзевул», то «Дьявол»; их автор заявляет, что навечно затерялся в аду или всерьез жаждет туда сойти. Когда эта мания выливается в угрозу насильственными действиями, викарий начинает опасаться за свою семью. «Богом клянусь, я скоро прикончу Джорджа Эдалджи». «Разрази меня Господь, если вот-вот не начнется хаос и кровопролитие». «Я сойду в Преисподнюю, осыпая проклятьями ваш род, а когда будет угодно Господу, встречу там вас всех». «Ты зажился на этом свете, и я это исправлю, став орудием в руках Божьих».

Еще через два года такой травли Шапурджи решает вновь обратиться к главному констеблю. Он описывает события, прикладывает образцы писем, уважительно привлекает внимание к явной угрозе убийством и просит защитить от гонений ни в чем не повинную семью. На его просьбу капитан Энсон не реагирует. Вместо этого он пишет:

> Я не говорю, что знаю имя виновного, хотя определенные подозрения у меня имеются. Предпочитаю держать их при себе до получения доказательств и верю, что смогу отправить виновного на каторжные работы, поскольку, при всем старании всячески избегать каких бы то ни было серьезных нарушений закона, лицо, написавшее данные письма, в двух или трех случаях преступило черту, подставив себя таким образом под угрозу самого сурового наказания.
>
> Не сомневаюсь, что виновный будет уличен.

Письмо это Шапурджи показывает сыну и хочет услышать его мнение.

– С одной стороны, – говорит Джордж, – начальник полиции утверждает, что хулиган умело пользуется знаниями закона, дабы не совершать реального преступления. С другой стороны, начальник полиции, как явствует из его ответа, осведомлен об уже имевших место преступлениях, наказанных каторжными работами. Следовательно, виновный по большому счету не слишком изворотлив. – Джордж умолкает, глядя на отца. – Разумеется, главный констебль намекает на меня. По его мнению, вначале я украл ключ, а теперь взялся писать письма. Ему известно, что я изучаю право, – он указывает на это со всей определенностью. Если честно, отец, я считаю, что для меня главный констебль опаснее, чем этот хулиган.

У Шапурджи нет такой уверенности. Один угрожает каторжными работами, другой угрожает физической расправой. Ему не отделаться от неприязни к начальнику полиции. А ведь Джордж еще не видел самых больших гнусностей. Неужели Энсон поверил, что их тоже написал Джордж? В таком случае хотелось бы узнать, в чем заключается состав преступления, если человек шлет анонимные письма на свое имя, угрожая самому себе физической расправой. Шапурджи сутками напролет тревожится о своем первенце. Он плохо спит и постоянно вскакивает с постели, чтобы торопливо и без всякой необходимости проверить, хорошо ли заперта дверь.

В декабре тысяча восемьсот девяносто пятого года одна из газет, выходящих в Блэкпуле, объявляет, что все имущество из дома викария пойдет с молотка, причем отправная цена отдельных предметов назначаться не будет, поскольку викарий с женой хотят поскорее избавиться от своего скарба перед отъездом в Бомбей.

До Блэкпула как минимум сотня миль по прямой. Шапурджи воочию видит, как травля распространяется в масштабах страны. Вероятно, Блэкпул – это только начало; следующие на очереди Эдинбург, Ньюкасл, Лондон. И далее: Париж, Москва, Тимбукту – почему бы и нет?

А потом, так же внезапно, как начались, издевательства прекращаются. Ни писем, ни непрошеных посылок, ни газетных фальшивок, ни стоящих на пороге гневных братьев во Христе. И так целый день, потом целую неделю, месяц, два месяца. Ничего. Все прекратилось.

Часть вторая
Начиная с конца

Джордж

На тот месяц, когда прекратилась травля, приходится двадцатая годовщина со дня назначения Шапурджи Эдалджи в приход Грейт-Уэрли; а там недалеко и до Рождества, которое в двадцатый… нет, в двадцать первый раз его семья встречает в здешнем пасторском доме. Мод получает в подарок гобеленовую книжную закладку, Хорас – единоличный экземпляр отцовских «Лекций о послании святого Петра галатам», а Джордж – сепиевую копию с гравюры Хольмана Ханта «Свет мира» с пожеланием повесить ее у себя в кабинете. Джордж благодарит родителей, но отчетливо представляет, что подумают старшие партнеры: стажер, который в конторе без году неделя, который занят лишь переписыванием бумаг начисто (другого ему не доверяют), слишком много на себя берет, если начинает заниматься украшательством, и что клиентов, приходящих в контору по конкретному вопросу, может увести в сторону чужеродный наглядный материал.

Проходят первые месяцы наступившего года; по утрам, когда раздвигаются шторы, можно с крепнущей день ото дня уверенностью полагать, что за окном будет лишь пустая лужайка, сверкающая Божьей росой, и без содрогания ожидать прихода почтальона. Викарий твердит, что их семье было послано испытание огнем и вера в Господа помогла им выстоять. От Мод, слабенькой и богобоязненной, скрывали все, что только возможно; Хорас, ныне крепко сбитый прямолинейный подросток шестнадцати лет, осведомлен лучше и по секрету признается Джорджу, что считает старинный девиз «око за око» незыблемой основой справедливости, а потому, случись ему поймать злоумышленника, бросающего через изгородь мертвых дроздов, он своими руками свернет такому шею.

В фирме «Сангстер, Викери энд Спейт» у Джорджа, вопреки родительским представлениям, нет своего кабинета. Он довольствуется табуретом и конторкой в углу, куда не дотягивается ковровая дорожка и даже не попадает солнечный свет, разве что по доброй воле удаленного мансардного оконца. Не обзавелся он покамест и карманными часами с цепочкой, не говоря уже о собственном комплекте юридических справочников. Зато успел приобрести правильную шляпу-котелок: выложил за нее три шиллинга шесть пенсов у «Фентона» на Грейндж-стрит. Хотя кровать его по-прежнему стоит в паре метров от отцовской, он уже чувствует, как в нем зреет независимость. Он даже свел знакомство с двумя стажерами из соседних контор, годами слегка постарше. Как-то раз во время обеденного перерыва Гринуэй и Стентсон зазвали Джорджа в паб, где он, изображая удовольствие, давился – спасибо, хоть недолго – отвратительным кислым пивом, за которое сам же заплатил.

Во время учебного года в Мейсон-колледже он почти не обращал внимания на великий город, куда привела его судьба, и ощущал его как баррикаду из шума и суеты между вокзалом и учебниками; если честно, город даже внушал ему страх. Но сейчас он осваивается, ему здесь интересно. Если город не раздавит его своей мощью и энергией, то в один прекрасный день Джордж, быть может, и впишется в здешнюю жизнь.

Он прорабатывает литературу по истории города. Начинает со скучных изданий о ножовщиках, кузнецах и обработке металла, затем на очереди Английская буржуазная революция и Великая чума, паровой двигатель и «Лунное общество», конфликты между Церковью и престолом, чартистский конвент. Но потом, лет десять назад, Бирмингем преобразуется в средоточие современной городской жизни, и Джордж ловит себя на том, что читает

про значимые для реальной действительности события. Он переживает, что не застал одного из величайших моментов в жизни Бирмингема, когда в 1887 году Ее Величество заложила здание Викторианского суда. С той поры в городе как грибы растут новые здания и учреждения: клиническая больница, арбитраж, мясной рынок. Полным ходом идет сбор средств на открытие университета; планируется строительство нового здания общества трезвости, всерьез ставится вопрос об отделении Бирмингема от Вустерской епархии.

Встречать королеву Викторию вышло полмиллиона человек; в толпе никто не пострадал, беспорядков не было. Джордж приятно поражен, но не удивляется. По расхожему мнению, в больших городах только и есть что скученность и насилие, зато в деревнях тишь да гладь. Но его личный опыт свидетельствует об ином: сельская местность отличается косностью и сулит неприятности, тогда как большой город стремится к порядку, идет в ногу со временем. Конечно, в Бирмингеме тоже есть и преступность, и пороки, и раздоры (иначе адвокаты пошли бы по миру), однако Джорджу представляется, что люди здесь более разумны, более законопослушны – словом, более цивилизованны. Для Джорджа ежедневная поездка в город – дело серьезное и вместе с тем успокоительное. Есть дорога, есть конечный пункт: именно так его учили понимать жизнь. Когда он дома, конечный пункт – это Царствие Небесное; в конторе – это справедливость, то есть решение дела, благоприятное для твоего клиента; но на этих двух дорогах подстерегают многочисленные развилки и вражьи капканы. А железная дорога показывает нечто иное: ровное движение до платформы по аккуратно уложенным рельсам, согласно утвержденному расписанию, с делением вагонов, а вместе с ними и пассажиров на первый, второй и третий классы.

Вероятно, поэтому Джордж внутренне закипает, когда кто-нибудь наносит ущерб железной дороге. Есть юнцы (а возможно, и взрослые мужчины), которые кромсают ножами и бритвенными лезвиями кожаные уплотнители оконных рам, тупо ломают рамки висящих над сиденьями репродукций, топчутся, поджидая поезд, на пешеходных мостиках, чтобы метнуть кирпич в паровозную трубу. Такое не укладывается у Джорджа в голове. Наверное, бросить на рельс монетку, чтобы она расплющилась и вдвое увеличилась в диаметре под колесами проносящегося состава, – довольно безобидная затея, но Джордж считает, что даже это скользкая дорожка, способная вызвать крушение поезда.

Подобные действия, естественно, предусмотрены уголовным правом. Джордж сам замечает, что все более интересуется правовыми отношениями между пассажирами и железнодорожной компанией. Покупка билета, требующая должного внимания обеих сторон, тут же приводит в действие контракт. Но спроси пассажира, что это за контракт, какие обязательства он налагает на каждую из сторон, какую компенсацию можно потребовать от железнодорожной компании в случае опоздания, неисправности или крушения поезда – ответа ты не услышишь. Причем, вероятно, не по вине пассажира: билет – лишь сигнал контракта, однако с условиями последнего можно ознакомиться только на определенных центральных станциях или непосредственно в управлении компании, но разве пассажир, человек занятой, станет тратить время на их изучение? И все равно Джордж удивляется, почему англичане, подарившие миру железную дорогу, расценивают ее исключительно как удобное средство передвижения, но не видят в ней плотного узла многочисленных прав и обязанностей.

Он решает назначить Хораса и Мод воображаемыми присяжными, «людьми с улицы», точнее, рядовыми пассажирами поезда, курсирующего между Уолсоллом, Кэнноком и Ружли. В качестве зала суда ему позволяют использовать домашнюю комнату для занятий. Усадив брата с сестрой за столы, он излагает им содержание дела, которое не так давно освещалось в зарубежной судебной хронике.

– Давным-давно, – начинает он, не забывая расхаживать туда-сюда, – жил да был толстый-претолстый француз по фамилии Пайель: весил он под сто шестьдесят кило.

Хораса разбирает смех. Джордж хмурится и, как судебный адвокат, берется за лацканы.

– Тишина в зале, – требует он. И продолжает: – Мсье Пайель у себя во Франции купил железнодорожный билет третьего класса.

– А куда он ехал? – интересуется Мод.

– Это к делу не относится.

– А почему он так растолстел? – вопрошает Хорас.

Эти новоявленные присяжные считают, как видно, что могут встревать со своими вопросами когда заблагорассудится.

– Понятия не имею. Наверное, покушать любил примерно как ты. Так вот: он до того разъелся, что по прибытии поезда не смог протиснуться в вагон третьего класса. – Хорас подхихикивает, рисуя себе эту картину. – Тогда он бросился к дверям вагона второго класса, но и туда не сумел войти. В конце концов он добрался до вагона первого класса…

– …но и туда не протиснулся! – выкрикивает Хорас, будто завершая анекдот.

– Нет, господа присяжные, на самом-то деле дверной проем оказался достаточно широк. Мсье Пайель занял место в купе, и поезд тронулся – для нас не существенно, в каком направлении. Через некоторое время появился контролер, проверил у него билет и потребовал оплатить разницу в стоимости между первым и третьим классом. Мсье Пайель платить отказался. Железнодорожная компания подала на него в суд. Итак, вам ясна суть проблемы?

– Проблема в том, что он толстяк, – говорит Хорас и вновь давится от смеха.

– У него не оказалось денег, – говорит Мод. – Жалко его.

– Нет, ни то ни другое проблемы не составляет. Он был при деньгах, но платить отказался. Позвольте мне пояснить. Адвокат Пайеля заявил, что его клиент, купив билет, выполнил свои юридические обязательства, а если дверные проемы, за исключением вагонов первого класса, слишком узки, то виновата компания. Компания же настаивала, что пассажир, неспособный протиснуться в двери вагона, должен приобрести билет в вагон другого класса. Что вы на это скажете?

Хорас стоит на своем.

– Зашел в вагон первого класса – пусть раскошеливается. Это логично. Нечего было пирожные лопать. Компания не виновата, что он такой толстый.

Мод, вечная заступница безвинно пострадавших, придерживается мнения, что француз как раз попадает в эту категорию.

– Он не виноват, что толстый, – начинает она. – Может, это болезнь. Может, у него мать умерла, и он заедал горе. Да мало ли какие бывают причины. Он же никого не согнал с места, не отправил в третий класс.

– Суд не вникал в причины его тучности.

– Значит, суд глуп как пуп, – говорит Хорас, недавно подхвативший это выражение.

– А раньше он уже так поступал? – спрашивает Мод.

– Вот это вопрос по существу. – Джордж кивает, как судья. – Все упирается в умысел. Либо пассажир из опыта знал, что по причине своей тучности не втиснется в вагон третьего класса, и тем не менее купил туда билет, либо он, покупая билет, пребывал в добросовестном заблуждении, что втиснется в дверь.

– Ну а на самом-то деле как? – нетерпеливо спрашивает Хорас.

– Не знаю. В сообщении не уточняется.

– Так каков же ответ?

– Здесь мнения присяжных разделились. Вам придется дебатировать между собой.

– Я не собираюсь дебатировать с Мод, – заявляет Хорас. – Она девчонка. Говори: каков на самом деле ответ?

– Ну, кассационный суд в Лилле решил дело в пользу компании. Пайель выплатил разницу.

– Я победил! – кричит Хорас. – Мод сглупила!

– Никто не сглупил, – отвечает Джордж. – Этот случай неоднозначен. Потому-то он и рассматривался в суде.

– Все равно я победил, – твердит Хорас.

Джордж доволен: ему удалось заинтересовать юных присяжных, и теперь субботними вечерами он предлагает им на рассмотрение новые казусы и проблемы. Если в вагоне заняты все места, имеют ли право пассажиры удерживать дверь изнутри, чтобы в вагон не заходили те, кто ожидает на перроне? С правовой точки зрения существует ли разница между обнаружением в купе чужого бумажника и находкой монеты, застрявшей под подушкой мягкого сиденья? Каковы должны быть последствия, если ты, возвращаясь домой, сел в последний поезд, а он проскочил твою станцию без остановки, из-за чего тебе пришлось отмахать пять миль под дождем в обратную сторону?

Если внимание присяжных ослабевает, Джордж развлекает их любопытными фактами и необычными случаями. Рассказывает, к примеру, как в Бельгии решается вопрос перевозки собак. В Англии правилами определено, что собаки должны перевозиться в намордниках, причем в багажном вагоне, тогда как в Бельгии собака может получить статус пассажира – достаточно взять на нее отдельный билет. Джордж вспоминает случай с неким охотником, который ехал в поезде со своим ретривером, а когда животное согнали с сиденья, чтобы дать место человеку, хозяин подал в суд. К восторгу Хораса и огорчению Мод, вердикт был вынесен в пользу истца, а это означало, что в Бельгии пятеро пассажиров с собаками при наличии билетов могут занять десятиместное купе, которое будет юридически считаться полным.

Младший брат с сестрой дивятся на Джорджа. В комнате для занятий у него вдруг появляется авторитет и в то же время непринужденность – можно подумать, он вот-вот расскажет анекдот, чего на их памяти не случалось ни разу. Джордж, в свою очередь, считает, что от его присяжных есть польза. Хорас выносит решение скоропалительно и, как правило, в пользу железнодорожной компании, после чего не идет ни на какие уступки. Мод раздумывает дольше, задает больше вопросов по существу дела и сочувствует пассажирам, испытавшим какие-либо неудобства. Хотя брат с сестренкой вряд ли могут сойти за среднестатистических пассажиров, их реакция, по мнению Джорджа, типична вследствие почти полного незнания ими своих прав.

Артур

Он осовременил детективный жанр. Избавил его от тугодумов-следователей старой школы, этих простых смертных, которым аплодировали за одно лишь истолкование улик, лежавших у них под ногами. На смену им пришел хладнокровный, расчетливый персонаж, способный в клубке шерсти распознать прямую улику, а в блюдце молока – изобличающее доказательство.

Шерлок Холмс принес Артуру внезапную славу, а вместе с ней и деньги, о каких даже не мечтает капитан сборной Англии по крикету. На них был куплен приличных размеров особняк в Саут-Норвуде, с обнесенным глухой стеной садом, где вполне хватило места для теннисного корта. В холле Артур поставил бюст своего деда, а собственные арктические трофеи задвинул на книжный шкаф. Вуду, который по всем меркам считался штатным работником, был отведен личный офис. Лотти вернулась из Португалии, оставив должность гувернантки, а Конни, хотя и более привлекательная, была усажена за пишущую машинку и показала себя незаменимой сотрудницей. Устройство это Артур приобрел еще в Саутси, но так и не научился толком с ним управляться. А вот двухместный велосипед пришелся ему по душе, и он чувствовал себя вполне уверенно, крутя педали вместе с Туи. Когда жена вновь забеременела, он сменил тандем на трицикл и приводил его в движение одной лишь

мужской мышечной силой. В погожие дни он вывозил жену кататься по холмам Суррея и накручивал по тридцать миль кряду.

Успех, известность и внимание к своей персоне Артур стал принимать как должное; он не уклонялся от интервью, привыкнув и к приятным, и к щекотливым моментам.

– Здесь сказано, что ты – «веселый, общительный, скромный человек». – Туи улыбалась, глядя на журнальную страницу. – «Высокий и широкоплечий, готовый сердечно пожать вам руку (от избытка искреннего радушия даже до боли)»[4].

– Где ты такое вычитала?

– В «Стрэнде».

– Как же, как же, помню. Мистер Хау. Не то чтобы прирожденный спортсмен – я сразу это заподозрил. Рука – что дохлая рыба. А как он отзывается о тебе, дорогая?

– Он пишет… Нет, это невозможно читать.

– Я настаиваю. Обожаю, когда ты краснеешь.

– Он пишет, что я… «очаровательнейшая женщина». – Как по заказу, Туи вспыхнула румянцем и поспешила сменить тему. – По мнению мистера Хау, «доктор Дойл неизменно придумывает сначала концовку – и уже затем пишет сам рассказ». Ты никогда мне в этом не признавался, Артур.

– Неужели? Вероятно, потому, что это ясно как день. Разве возможно написать осмысленное начало, не зная развязки? Если вдуматься, все совершенно логично. Вот интересно: наш друг хоть до чего-нибудь дошел своим умом?

– До того, что идеи посещают тебя в самое разное время: когда ты гуляешь, катаешься на трицикле, играешь в крикет или в теннис. Это действительно так, Артур? Не потому ли на корте ты порой рассеян?

– Да это я, наверное, для отвода глаз.

– Взгляни-ка: малышка Мэри стоит на этом самом стуле.

Он подался вперед.

– Я сам сделал эту фотографию, видишь? И потребовал, чтобы к иллюстрации подтекстовали мое имя.

Артур приобрел вес в литературных кругах. Джерома и Барри он числил своими добрыми приятелями, свел знакомство с Мередитом и Уэллсом. Отужинал с Оскаром Уайльдом, которого объявил безупречно интеллигентным и приятным в общении – не в последнюю очередь вследствие того, что драматург прочел и похвалил «Приключения Михея Кларка». Для себя Артур уже решил, что будет эксплуатировать Холмса года два, максимум три, а потом прикончит, чтобы сосредоточиться на исторических романах, которые, вне сомнения, удаются ему лучше всего остального.

Все написанное вплоть до этого времени наполняло Артура гордостью. Иногда он размышлял: а не почетнее ли воплотить в жизнь пророчество Партриджа и возглавить сборную Англии по крикету? Понятно, что это были несбыточные мечтания. Он обладал приличным ударом справа и отбивал медленные мячи с такой мощью, что кое-кого ставил в тупик. Вероятно, он с успехом мог бы взять на себя любое амплуа в Мэрилебонском крикетном клубе, но его устремления были теперь более скромными: увидеть свое имя в справочнике Уисдена.

Туи родила ему сына, Аллейна Кингсли. Артуру всегда хотелось, чтобы семья у них только прибывала. Но бедная малютка Аннетт умерла в Португалии, а матушка, отказываясь покидать свой домик в поместье того субъекта, упрямилась, как никогда. И все же у него были сестры, дети, жена; неподалеку, в Вулидже, жил его брат Иннес, готовивший себя к армейской службе. Став кормильцем и главой семьи, Артур делал родным щедрые подарки,

[4] Здесь и далее статья Гарри Хау «Один день с доктором Конан Дойлом» цитируется в переводе С. Сухарева по изданию: *Конан Дойл А.* Этюд в багровых тонах. Приключения Шерлока Холмса. СПб.: Азбука, 2016.

охотно выписывал чеки на предъявителя. Раз в году для этого находилась официальная причина: он неизменно изображал Санта-Клауса.

Приоритеты, как он понимал, должны расставляться иначе: жена, дети, сестры. Сколько времени он женат: лет семь, восемь? Туи – образцовая супруга. А вдобавок очаровательнейшая женщина, как отметил журнал «Стрэнд». Уравновешенная, набравшаяся опыта, она подарила ему сына и дочь. Одобряла его произведения до последней запятой, поддерживала любое начинание. Захотелось ему в Норвегию – они поехали в Норвегию. Полюбились ему званые ужины – она устраивала их в его вкусе. Он обвенчался с ней, дабы оставаться вместе в горе и радости, в богатстве и бедности. До сих пор ни горя, ни бедности на их долю не выпадало.

И все же… Теперь, если быть честным с самим собой, все стало как-то по-другому. В пору их знакомства он был молод, неловок и безвестен; она его полюбила и никогда не жаловалась. Сейчас он по-прежнему молод, но при этом еще и благополучен, и знаменит; в Сэвил-клубе ему случается часами занимать многочисленных сотрапезников увлекательной беседой. Он сохранил самостоятельность и – не в последнюю очередь благодаря своему браку – здравый рассудок. Успех его стал закономерным результатом упорного труда, и люди, не прошедшие испытание успехом, считали, что таков достойный финал любой истории. А между тем Артур не был готов к завершению своей истории. Если жизнь складывается из рыцарских подвигов, то он спас прекрасную Туи, покорил город и в награду получил злато. Но должно было пройти немало лет, прежде чем он согласился бы взять на себя роль мудрого старейшины своего племени. А чем занимать себя странствующему рыцарю по возвращении домой, в Саут-Норвуд, где ожидают жена и двое детей?

Проблема, пожалуй, не из самых сложных. Он должен их защищать, вести себя с честью, внушать детям правила достойной жизни. Можно также пуститься в новые странствия, не связанные, естественно, со спасением прекрасных дев. Покорить множество вершин на литературном поприще, в свете, путешествиях и политике. Как знать, куда приведут внезапные порывы? Он всегда будет окружать Туи вниманием и заботой; он ни на минуту не сделает ее несчастной.

И все же…

Джордж

Гринуэй и Стентсон всегда заодно; впрочем, Джорджа это не волнует. В обеденный перерыв его совершенно не тянет в питейное заведение – куда приятней сидеть под деревом на Сент-Филипс-Плейс и подкрепляться материнскими сэндвичами. Ему нравится, когда новые знакомцы просят его разъяснить какие-нибудь тонкости гражданского права, но порой они секретничают между собой про скачки, букмекерские конторы, девиц и танцульки – это не вызывает ничего, кроме удивления. А в последнее время у них не сходит с языка Бечуаналенд, откуда с официальным визитом прибыли в Бирмингем вожди племенных союзов.

Когда они собираются втроем, этих парней хлебом не корми – дай им засыпать тебя вопросами да подразнить.

– Признайся, Джордж, сам-то ты из каких мест?

– Из Грейт-Уэрли.

– Да нет, где *конкретно* твои корни?

Джордж задумывается.

– В доме викария, – отвечает он, и эти жеребцы ржут.

– А девушка у тебя есть, Джордж?

– Не понял?

– Наш вопрос перегружен незнакомой юридической терминологией?

– Да нет, мне просто подумалось, что негоже совать нос в чужие дела.

– Ой, какие мы чувствительные.

Гринуэя и Стентсона особенно увлекает и веселит именно эта тема.

– Небось, она красотка, Джордж?

– Вылитая Мэри Ллойд, я угадал?

Не дождавшись ответа, они склоняются друг к другу головами, сдвигают шляпы набекрень и заводят серенаду: «С га-лер-ки смотрит лю-би-мый мой».

– Ну же, Джордж, открой нам ее имя.

Через пару недель Джордж выходит из терпения. Хотят – пусть получат:

– Ее имя – Дора Чарльзуорт, – выпаливает он экспромтом.

– Дора Чарльзуорт, – повторяют они. – Дора Чарльзуорт. Дора Чарльзуорт?

В их устах это звучит все более надуманно.

– Она сестра Гарри Чарльзуорта, моего друга.

Джордж надеется, что теперь его оставят в покое, но они, как видно, раззадорились еще сильнее.

– Какого же цвета у нее волосы?

– Ты с ней целовался, Джордж?

– Сама-то она из каких мест?

– Нет, где *конкретно* ее корни?

– Ты готовишь для нее валентинку?

И как им только не надоест?

– Послушай, Джордж, у нас вопросик есть насчет Доры. Она черненькая?

– Она такая же, как я, и живет в Англии.

– Такая же, как ты, Джордж? Один в один?

– Когда ты нас познакомишь?

– Готов поспорить, она бечуанка.

– Неужели нам частного сыщика нанимать? Который на бракоразводных делах специализируется? Шастает по гостиницам, чтобы застукать неверного мужа с горничной. Ты же не хочешь, чтобы тебя таким манером застукали, а, Джордж?

Джордж полагает, что его признание и дальнейшие подробности – это по большому счету не ложь; он просто дал им возможность поверить в то, во что им хотелось, а это не одно и то же. К счастью, живут они на другом конце города, и как только поезд Джорджа отходит от Нью-стрит, он выбрасывает их из головы.

Утром тринадцатого февраля Гринуэй и Стентсон пребывают в особенно игривом настроении, но Джорджу не говорят, в чем причина. Оказывается, эти двое отправили валентинку на имя мисс Доры Чарльзуорт в деревню Грейт-Уэрли, что в графстве Стаффорд. Это не на шутку озадачило почтальона, а еще больше – Гарри Чарльзуорта, который всегда жалел, что у него нет сестры.

Джордж сидит в поезде, развернув на колене газету. Портфель его лежит на верхней, более широкой из двух веревочных багажных полок, а шляпа – на нижней, узкой, куда пассажиры кладут головные уборы, зонты, трости и небольшие свертки. Джордж размышляет о жизненном пути, который суждено пройти каждому. Например, жизненный путь его отца начался в Бомбее, на дальнем конце бурлящих кровеносных сосудов Империи. Там он воспитывался, там принял христианство. Там же написал грамматику языка гуджарати, получил гонорар и смог добраться до Англии. Окончил колледж Святого Августина в Кентербери, получил сан от епископа Макарнесса, затем служил помощником викария в Ливерпуле и в конце концов был направлен в приход Уэрли. По всем меркам – великое путешествие; ему самому, размышляет Джордж, предстоит, вне сомнения, путь не столь далекий. Скорее, подобный тому, какой выпал его матери: из родной Шотландии – в графство Шропшир: там

ее отец тридцать девять лет служил викарием прихода Кетли; оттуда – в соседний Стаффордшир, где ее муж, Бог даст, прослужит такой же долгий срок. А чем окажется Бирмингем для Джорджа: конечной точкой или перевалочным пунктом? Пока трудно сказать.

Джордж привыкает смотреть на себя не как на деревенского парня с сезонным проездным билетом, а как на будущего жителя Бирмингема. В ознаменование своего нового статуса он решает отрастить усы, но вскоре понимает, что быстро это не делается; Гринуэй и Стентсон не упускают случая предложить, что скинутся и подарят ему флакон бальзама для роста волос. Когда же наконец его кожу над верхней губой полностью скрывает растительность, дружки дают ему прозвище Чингисхан.

Наевшись этой шуткой, они придумывают новую.

– Слышь, Стентсон, знаешь, кого напоминает мне Джордж?

– Намекни хотя бы.

– Ну, где он учился в школе?

– Где ты учился в школе, Джордж?

– Будто сам не знаешь, Стентсон.

– Нет, ты скажи.

Джордж отрывается от Акта тысяча восемьсот девяносто седьмого года об отчуждении земель и характеристики его влияния на завещание недвижимости.

– В Ружли.

– Прикинь, Стентсон.

– Ружли. Не припоминаю… Погоди-ка… Не может быть… Уильям Пальмер?

– Вот именно! Ружлийский Отравитель!

– И где же он ходил в школу, Джордж?

– Ребята, вы сами знаете.

– Там всех мальчиков учат на отравителей? Или только самых умных?

Пальмер отправил на тот свет жену и брата, предварительно застраховав обоих на кругленькую сумму, а потом добрался и до букмекера, которому задолжал. Возможно, были и другие жертвы, но полицейские удовлетворились эксгумацией родственников. Улик оказалось достаточно, чтобы приговорить Отравителя к публичной казни, на которую в Стаффорд стянулось пятьдесят тысяч зрителей.

– У него и усы были, как у Джорджа?

– Один в один.

– Да что ты можешь о нем знать, Гринуэй?

– Я знаю, что он твой однокашник. Наверняка его портрет висел на доске почета. А фамилия была занесена в список знаменитых выпускников и всякое такое, правильно я говорю? – Джордж нарочито затыкает уши. – Одно могу сказать насчет Отравителя, Стентсон: он был дьявольски изворотлив. Следствие так и не установило, какой яд он использовал. Как по-твоему, этот Пальмер был восточных кровей?

– Есть основания полагать, что происходил он из Бечуаналенда. Имя ведь не показательно, правда, Джордж?

– Известно ли тебе, что ходоки из Ружли побывали на Даунинг-стрит и были приняты самим лордом Пальмерстоном? Они требовали переименовать их городок, чтобы отмежеваться от такого позора. Премьер-министр немного поразмыслил над их просьбой и ответил: «Какое название вас устроит: Пальмерстаун?»

Молчание.

– Ну? Чего-то я не понял.

– Если бы «Пальмерстон», а то «Пальмерс-таун».

– А! Чудо как остроумно, Гринуэй!

– Даже наш друг Чингисхан смеется. Из-под усов.

Впервые Джордж выходит из себя:

– Закатай рукав, Гринуэй.

Гринуэй ухмыляется:

– Это еще зачем? Вздумал сделать мне маньчжурскую «крапивку»?

– Закатай рукав.

Джордж и сам оголяет руку, а потом приближает ее к руке Гринуэя, который две недели загорал в Аберистуите. Кожа у обоих одинакового цвета. Ничуть не смущаясь, Гринуэй ждет, чтобы Джордж высказался первым, однако тот полагает, что здесь все предельно ясно, и вдевает на место запонку.

– Что это было? – недоумевает Стентсон.

– Джордж, похоже, решил доказать, что я тоже отравитель.

Артур

В путешествие по Европе они взяли с собой Конни. Кровь с молоком, на пароходе она оказалась единственной пассажиркой, не подверженной морской болезни. Такая выносливость раздражала остальных дам – те мучились не на шутку. Видимо, раздражала их и здоровая красота Конни: Джером говорил, что с нее впору писать Брунгильду. В той поездке Артуру открылось, что его сестра своей легкой танцующей походкой и длинной каштановой косой, спускающейся корабельным канатом по спине, привлекает совершенно неподходящих мужчин: ловеласов, шулеров, соломенных вдовцов с масляными глазками. Пару раз Артур едва сдержался, чтобы не схватиться за трость.

Зато по возвращении домой ее вниманием наконец-то завладел вполне презентабельный, судя по всему, человек двадцати шести лет, Эрнест Уильям Хорнунг, астматик, высокий, щеголеватый, неплохой уикет-кипер, а когда требовалось, то и боулер, с хорошими манерами, только излишне словоохотливый: при малейшем поощрении мог разглагольствовать без умолку. Артур сам признавал, что вряд ли одобрит кого бы то ни было из ухажеров Лотти и Конни, но тем не менее, будучи главой семьи, учинил сестре допрос с пристрастием.

– Хорнунг. Да кто он такой, этот Хорнунг? Говорок – смесь монгольского со славянским. Неужели нельзя найти себе стопроцентного британца?

– Он родился в Миддлсборо, Артур. В семье солиситора. Учился в Аппингеме.

– Есть в нем что-то нездешнее. Нутром чую.

– Он три года прожил в Австралии. По причине астмы. Не иначе как ты нутром чуешь запах эвкалипта.

Артур подавил смешок. Из двух сестер именно Конни чаще давала ему отпор; любимицей его была Лотти, но зато Конни умела и осадить, и удивить. Он благодарил Бога, что Конни (не говоря уже о Лотти) не вышла за Уоллера.

– И чем же он занимается, этот субъект из Миддлсборо?

– Он писатель. Как и ты, Артур.

– Слыхом не слыхивал.

– Десяток романов напечатал.

– Десяток? Да он зелен еще. – Зелен, но хотя бы не лоботряс.

– Если хочешь оценить его способности, могу дать тебе что-нибудь почитать. У меня есть «Под двойными небесами» и «Хозяин Тарумбы». В его романах действие обычно происходит в Австралии; с моей точки зрения, пишет он мастерски.

– Да неужели, Конни?

– Но при этом отдает себе отчет, что писательским трудом прожить нелегко, а потому еще подрабатывает журналистом.

– Что ж, фамилия броская, – фыркнул Артур.

И позволил Конни пригласить кавалера в дом. А книг его решил не читать, чтобы раньше времени не портить себе впечатление.

В тот год весна пришла рано, и к концу апреля на теннисном корте уже белела свежая разметка. Сидя у себя в кабинете, Артур слышал отдаленные удары ракеткой по мячу и раздражался от знакомых женских выкриков, сопровождавших каждый пропуск несложной подачи. Позднее он вышел размяться и увидел Конни в летящих юбках и Уилли Хорнунга в соломенной шляпе-канотье и тонких белых шерстяных брюках, схваченных внизу прищепками. Артур отметил, что Хорнунг не поддается, но вместе с тем и не лупит по мячу в полную силу. Это пришлось ему по нраву: именно так мужчина и должен играть против девушки.

Неподалеку сидела в шезлонге Туи, греясь не столько под робким, еще не летним солнцем, сколько в жарких лучах молодой любви. Судя по всему, ей доставляли удовольствие их смешливые переговоры через сетку и взаимное смущение после игры; Артур подумал, что надо бы сменить гнев на милость. Если честно, ему нравилась роль ворчливого отца семейства. Кстати, Хорнунг оказался довольно остроумным. Временами даже чересчур, но это можно было списать на молодость. Что там он отмочил в первый раз? Ах да: читая спортивную рубрику газеты, Артур поразился сообщению о том, что некий спринтер пробежал сто ярдов всего за десять секунд.

– Этот спринтер – что он за птица, мистер Хорнунг?

И Хорнунг не раздумывая ответил:

– Наверно, газетная утка.

В августе того же года Артура пригласили с лекциями в Швейцарию; Туи еще не вполне окрепла после рождения Кингсли, но, естественно, поехала вместе с мужем. Они увидели величественный, но устрашающий Рейхенбахский водопад, вполне достойный стать могилой Холмсу. Сыщик уже гирей висел у Артура на шее. Но теперь, с помощью архизлодея, Артур намеревался стряхнуть с себя этот груз.

В конце сентября Артур повел Конни к алтарю; когда они шли по проходу, она незаметно тянула брата назад, чтобы умерить его поистине армейскую прыть. У алтаря состоялась символическая передача невесты жениху; Артур понимал, что должен быть горд и счастлив. Но он чувствовал, как среди флердоранжа, дружеских похлопываний по спине и шуток насчет счастливого избавления тают его мечты о растущей вокруг него семье.

А через десять дней ему пришло сообщение, что в Шотландии, в психиатрической лечебнице города Дамфрис, скончался его отец. Причиной смерти значилась эпилепсия. Артур, не навещавший отца много лет, на похороны не поехал, равно как и никто из родных. Чарльз Дойл не оправдал ожиданий матушки и обрек своих детей на честную бедность. Ему недоставало силы и твердости характера; бой с алкоголем он проиграл. Бой? Да он даже не поднял боксерские перчатки на эту пагубную страсть. Кто-то пытался его оправдывать, но Артур считал, что ссылки на художественную натуру неубедительны. Виной всему было потакание собственным слабостям и самооправдание. Художнику никто не мешает проявлять решимость и нести ответственность за родных.

У Туи развился хронический осенний кашель; она жаловалась на боли в боку. Артур не увидел в этом ничего серьезного, но через некоторое время все же вызвал на дом местного эскулапа, Дальтона. Хозяину дома стало не по себе, когда он из доктора превратился всего лишь в мужа пациентки и вынужденно томился внизу, пока у него над головой посторонний человек решал его судьбу. Дверь спальни долго не отворялась; потом на пороге возник Дальтон, столь же знакомый, сколь и мрачный. Артур и сам не раз надевал подобную маску.

– У нее серьезно поражены легкие. Все симптомы указывают на скоротечную чахотку. С учетом ее состояния и наследственности… – Продолжать не имело смысла; терапевт лишь добавил: – Вы, наверное, захотите показать ее кому-нибудь еще.

Не кому-нибудь, а лучшему специалисту. В ближайшую субботу в Саут-Норвуд прибыл Дуглас Пауэлл, консультант из Лондонской королевской клиники Бромптона, специализирующейся на лечении туберкулеза и заболеваний грудной клетки. Бледный, аскетичного вида человек, чисто выбритый, подчеркнуто корректный, Пауэлл с сожалением подтвердил диагноз.

– Вы, насколько мне известно, тоже врач, мистер Дойл?

– Не могу себе простить, что недосмотрел.

– Но ведь пульмонология не ваша специальность?

– Моя специальность – глазные болезни.

– Тогда вам не в чем себя упрекнуть.

– Наоборот. Где были мои глаза? Я не заметил признаков треклятой бациллы. Не уделял должного внимания жене. Был слишком поглощен своими… успехами.

– Но вы же специализировались на глазных болезнях.

– Три года назад я ездил в Берлин, чтобы ознакомиться с открытиями – предполагаемыми открытиями – Коха в области этого конкретного заболевания. Затем опубликовал свой отчет в журнале «Стед» под рубрикой «Обзор обзоров».

– Так-так.

– А у собственной жены не сумел распознать скоротечную чахотку. Хуже того: я позволял ей вместе со мной заниматься физическими упражнениями, которые только усугубили ее состояние. Мы с ней в любую погоду катались на трицикле, путешествовали по холодным странам, она посещала мои матчи под открытым небом…

– Но с другой стороны, – произнес Пауэлл, и такое начало на миг приободрило Артура, – уплотнения вокруг очагов – признак благоприятный. К тому же второе легкое увеличено, что в некоторой степени компенсирует дыхательную функцию. Ничего более утешительного сообщить не могу.

– Я отказываюсь этому верить! – прошептал Артур, хотя ему хотелось кричать во все горло.

Пауэлл не обиделся. При вынесении самого мягкого, самого деликатного смертного приговора ему не впервой было видеть реакцию близких.

– Это понятно. Могу направить вас к…

– Нет-нет. Я верю всему, что вы сказали. Но отказываюсь верить тому, о чем вы умалчиваете. Вы даете ей считаные месяцы.

– Вам не хуже моего известно, мистер Дойл, что прогнозы – неблагодарная штука…

– Мне не хуже вашего известно, доктор Пауэлл, какими фразами мы обнадеживаем пациентов и их семьи. А кроме того, я знаю, какие фразы звучат у нас в уме, когда мы делаем хорошую мину при плохой игре. Значит, месяца три.

– Да, с моей точки зрения, примерно так.

– Тогда, повторяю, я отказываюсь этому верить. Завидев дьявола, я вступаю с ним в схватку. И сейчас – куда бы нам ни пришлось ехать, сколько бы ни пришлось заплатить – не позволю лукавому отнять у меня жену.

– Желаю всяческой удачи, – ответил Пауэлл, – и остаюсь к вашим услугам. Но напоследок хочу дать вам две рекомендации. Возможно, это излишне, но того требует мой долг. Надеюсь, они вас не оскорбят.

Артур выпрямил спину – ни дать ни взять солдат, готовый выслушать приказ.

– Насколько мне известно, у вас есть дети?

– Двое: мальчик и девочка. Сыну год, дочке четыре.

– Чтобы вы понимали: возможность…

– Да, я понимаю.

– Речь идет не о возможности зачатия…

– Мистер Пауэлл, я не идиот. И не животное.

– Поймите, здесь не должно быть недомолвок. А второй вопрос, вероятно, не столь очевиден: это проявления… возможные проявления заболевания у конкретного пациента. У миссис Дойл.

– А именно?

– Наш опыт показывает, что чахотка протекает не так, как другие изнурительные болезни. Обычно пациент практически не испытывает боли. По степени причиняемых неудобств это заболевание в ряде случаев сопоставимо с кариесом или запором. Но в отличие от них затрагивает мыслительные способности. Больной нередко проявляет оптимизм.

– Вы имеете в виду слабоумие? Помешательство?

– Нет-нет, оптимизм. Безмятежность; я бы даже сказал, бодрость.

– Под воздействием назначенных медикаментов?

– Ничуть. Под воздействием заболевания как такового. Независимо от того, в какой мере пациент осознает серьезность своего положения.

– Что ж, это снимет груз с моей души.

– Вероятно, да. Но только на первых порах, мистер Дойл.

– К чему вы клоните?

– Да к тому, что больной, который не страдает, не жалуется, не теряет бодрости духа перед лицом тяжелой болезни, перекладывает страдания и жалобы на плечи других.

– Вы меня плохо знаете, сэр.

– Да, согласен. И все же мой вам совет: запаситесь мужеством.

В горе и радости, в богатстве и бедности. Он забыл, что дальше говорится: в болезни и здравии.

Из психиатрической лечебницы прислали альбомы Чарльза Дойла. В последние годы жизни отец Артура являл собой жалкое зрелище: всеми покинутый, он лежал в своем унылом последнем пристанище, но чудом сохранил рассудок, продолжал заниматься акварельной живописью, делал карандашные наброски, вел дневник. Артура осенило: его отец, крупный художник, недооцененный в своем кругу, заслуживает посмертной выставки в Эдинбурге, а возможно, и в Лондоне. Поневоле Артур задумался над контрастом их судеб: если сын наслаждался объятиями славы и высшего света, то на долю брошенного отца время от времени доставались только крепкие объятия смирительной рубашки. Никакой вины Артур за собой не чувствовал – разве что начатки сыновнего сострадания. А в отцовском дневнике он вычитал фразу, способную разбередить душу любого сына. «Я убежден, – говорилось там, – меня заклеймили сумасшедшим лишь потому, что у шотландцев нет чувства юмора».

В декабре того же года Холмс в связке с Мориарти нашел свою смерть: нетерпеливая авторская рука столкнула обоих с утеса. Лондонские газеты не удостоили некрологом Чарльза Дойла, но пестрели излияниями протеста и смятения по случаю смерти вымышленного сыщика-консультанта, чья популярность стала вызывать смущение и даже неприязнь у его создателя. Артуру казалось, что мир сошел с ума: отец его лежит в сырой земле, жене вынесен смертный приговор, а всякие хлыщи из Сити носят на шляпах черные креповые ленточки в знак траура по Шерлоку Холмсу.

Под занавес этого тяжелого года произошло еще одно событие: через месяц после смерти отца Артур стал членом Общества парапсихологических исследований.

Джордж

Выпускные экзамены на чин адвоката-солиситора Джордж сдает с отличием второй степени и получает бронзовую медаль Бирмингемского юридического общества. Он откры-

вает собственную контору в доме номер пятьдесят четыре по Ньюхолл-стрит, предварительно заручившись обещанием приработка от фирмы «Сангстер, Викери энд Спейт». Ему исполнилось двадцать три; мир для него меняется.

Невзирая на детство, проведенное в пасторском доме, несмотря на неослабное сыновнее внимание к проповедям, звучавшим с кафедры в церкви Святого Марка, Джордж порой ловит себя на непонимании Библии. Не целиком, конечно, и не всегда; точнее будет сказать, на недостаточном понимании, но достаточно часто. Ему и раньше виделся некий зазор между реальностью и верой, а нынче зазор этот стал непреодолимым. От этого Джордж чувствует себя мошенником. Догматы Англиканской церкви, оставаясь данностью, все более отдаляются. Он не ощущает их близкими истинами, не видит, чтобы они день за днем, миг за мигом подтверждались. С родителями он, естественно, этим не делится.

В школе перед ним открывались дополнительные сюжеты и объяснения бытия. Как гласит наука…; как гласит история…; как гласит литература… Джордж без труда сдавал экзамены по этим предметам, далеким, с его точки зрения, от жизни. Но теперь, когда ему открылась юриспруденция, мир наконец-то приобретает осмысленность. В нем проявляются невидимые прежде связи: между людьми, между идеями, между принципами.

Взять хотя бы поездку из Блоксвича в Бёрчхиллз: из окна вагона Джордж провожает глазами живую изгородь. Однако, в отличие от своих попутчиков, он видит не переплетение послушных ветру кустарников, где гнездятся пернатые, а официальное размежевание земельных участков, границу, определенную договором многолетней давности, активную сущность, способную как закрепить мирные отношения, так и разжечь конфликт. Дома он смотрит, как служанка скоблит деревянную столешницу, но вместо грубоватой и неловкой девицы, которая норовит рассовать куда попало его книги, видит договор найма и предусмотренные им обязанности в их сложной и хрупкой взаимосвязи, поддерживаемой веками прецедентного права, но совершенно не знакомой ни одной из сторон.

В юриспруденции он чувствует себя уверенно и комфортно. Здесь есть широкое поле для толкований: ведь нужно понимать, как и почему слова могут нести и несут разный смысл; а комментариев к текстам законов существует, пожалуй, немногим меньше, чем к Библии. Только в конце не остается того самого зазора. Здесь в итоге – достигнутое согласие, непреложное решение, понимание смыслов. Допустим, пьяный матрос написал свою последнюю волю на страусином яйце; матрос утонул, яйцо сохранилось, и тут в дело вступает закон, который придает связность и объективность выцветшим от морской воды словам.

Другие молодые люди делят свою жизнь между трудом и удовольствием, а точнее, занимаясь первым, грезят о втором. От юриспруденции Джордж получает и первое, и второе. У него нет ни желания, ни потребности участвовать в спортивных состязаниях, кататься на лодке, ходить по театрам, ему неинтересно дурманить себя алкоголем, чревоугодничать или наблюдать за бегущими наперегонки лошадьми; не тянет его и путешествовать. У него есть собственное дело, а для удовольствия он занимается железнодорожным правом. Не удивительно ли: десятки тысяч людей, которые изо дня в день ездят поездом, даже не имеют под рукой удобного карманного справочника, из которого можно узнать свои права в сопоставлении с правами железнодорожной компании. Джордж обращается в издательский дом Эффингема Уилсона, выпускающий серию «Карманные юридические справочники издательства „Уилсон“», отсылает туда пробную главу – и узнает, что его заявка принята.

В силу своего воспитания Джордж ценит усердие, честность, бережливость, благотворительность и любовь к семье; он убежден, что добродетель сама по себе – уже награда. Как старший брат, он должен подавать пример Хорасу и Мод. Чем дальше, тем больше Джордж убеждается, что родители, любящие всех троих детей одинаково, именно на него возлагают весь груз своих ожиданий. Мод, как всегда, остается источником тревог. Хорас – паренек вполне достойный, но способностей к учебе не обнаруживает. Он теперь живет самостоя-

тельно, устроившись по протекции маминой кузины на государственную службу – самым мелким клерком.

И все же в какие-то моменты Джордж ловит себя на том, что завидует Хорасу, который снимает угол в Манчестере и время от времени присылает домой веселую открытку с какого-нибудь приморского курорта. А в иные моменты Джордж сокрушается, что на свете не существует Доры Чарльзуорт. Знакомых барышень у него так и не появилось. Домой к ним никто не захаживает; у Мод нет подруг, с которыми можно было бы завести знакомство. Гринуэй и Стентсон бахвалятся своими успехами на личном фронте, но Джордж не больно-то им верит и без сожаления отдаляется от этих дружков. Сидя на скамье на Сент-Филипс-Плейс и жуя бутерброды, он восхищенно поглядывает на проходящих мимо девушек; порой запоминает какую-нибудь милашку и вожделеет ее по ночам, под отцовские стоны и посапывания. Дела плоти Джорджу известны – они перечислены в Послании к Галатам, глава пятая: это, прежде всего, прелюбодеяние, блуд, нечистота и непотребство. Но он отказывается верить, что его робкие чаяния могут быть расценены как два последних греха.

Настанет день – и он женится. Будут у него и часы с цепочкой, и младший партнер; а возможно, еще и стажер; и супруга, и детишки, и собственный дом, при покупке которого он использует все свои навыки совершения сделок. Он уже воображает, как будет за ланчем обсуждать со старшими партнерами других бирмингемских юридических фирм Закон о продаже товаров и услуг от 1893 года. Коллеги почтительно выслушают его краткое изложение современных толкований этого закона, а когда он пододвинет к себе счет, дружно воскликнут: «Браво, старина Джордж!» Вот только он не вполне понимает, как именно можно достичь такого уровня: либо сперва обзавестись женой, а затем домом, либо сперва домом, а уж потом женой. Не важно: он уже представляет, как оба эти приобретения появятся у него в той или иной, не обозначенной пока очередности. Конечно, и одно и другое потребует прощания с Уэрли. Отцу он не задает вопросов на сей счет. Равно как и не любопытствует, с какой целью отец по-прежнему вечерами запирает дверь спальни.

Когда Хорас съехал из родительского дома, Джордж понадеялся, что ему разрешат занять освободившуюся комнату. Небольшой письменный стол, купленный для него при поступлении в Мейсон-колледж и втиснутый в отцовскую комнату, давно не отвечает его потребностям. Джордж уже воображал, как передвинет в комнату брата и свою кровать, и этот письменный стол, чтобы получить возможность уединения. Но когда он высказывает свою просьбу матери, та мягко разъясняет, что Мод теперь, по мнению врачей, достаточно окрепла, чтобы спать в отдельной комнате; не лишать же девочку такой возможности, правда? Он понимает: жалобы на отцовский храп, который усилился до такой степени, что порой не дает ему заснуть, уже ни к чему. Поэтому Джордж, как прежде, и ночует, и работает на расстоянии вытянутой руки от отца. Правда, ему делается поблажка: возле письменного стола появляется маленький придвижной столик для необходимых книг.

Джордж не отказывается от привычки (которая уже переросла в потребность) каждый вечер совершать часовую прогулку. Это единственная сторона его жизни, установленная раз и навсегда. У двери черного хода он держит пару разношенных башмаков и в любую погоду, хоть под дождем, хоть под солнцем, хоть в град, хоть в снегопад, выходит на проселочные дороги. Местные пейзажи ему неинтересны, равно как и крупный, ревущий домашний скот. Что же касается человеческого присутствия, иногда ему мнится, что навстречу попался кто-то из его деревенских однокашников, еще из времен мистера Бостока, но твердой уверенности нет. Вне всякого сомнения, фермерские сыновья уже сами трудятся на фермах, а шахтерские сыновья спускаются в забой. Изредка Джордж бормочет какие-то полуприветствия каждому встречному, слегка отворачивая поднятую голову, а бывает, что вообще не здоровается ни с кем из прохожих, даже если вспоминает, что накануне им кивал.

Как-то раз выход на прогулку задерживается: на кухонном столе Джордж замечает бандероль. Ее размеры, вес и лондонский штемпель мгновенно сигнализируют о содержимом. Джордж хочет, насколько возможно, продлить это мгновение. Он развязывает бечевку и аккуратно наматывает ее на пальцы. Снимает и разглаживает вощеную оберточную бумагу, которая еще может пригодиться. Мод едва не прыгает от радости; даже мать выражает определенное нетерпение. Джордж открывает книжку на титульном листе:

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ПРАВО

ДЛЯ

«ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПОЕЗДА»

Рекомендуется в качестве справочника по всем вопросам, возникающим у широкой публики в связи с поездками по железной дороге

ДЖОРДЖ Э. Т. ЭДАЛДЖИ,

солиситор;
Диплом с отличием второй степени, ноябрь 1898; бронзовая медаль Бирмингемского юридического общества.

ЛОНДОН

ЭФФИНГЕМ УИЛСОН

Королевская биржа
1901
(авторское право зарегистрировано)

Далее он обращается к «Содержанию». *Подзаконные акты и область их действия. Сезонные проездные документы. Сбои в движении поездов и др. Багаж. Перевозка велосипедов. Несчастные случаи. Разное*. Он показывает Мод те казусы, которые они обсуждали вместе с Хорасом в комнате для занятий. Вот, пожалуйста: тучный мсье Пайель; вот бельгийцы со своими собаками.

Сегодня, как понимает Джордж, он может собой гордиться; за ужином развеиваются все сомнения – родители считают, что определенная доля гордости, если она оправданна, христианством не возбраняется. Он выучился, сдал экзамены. Открыл собственное дело, а теперь показал себя специалистом в той области права, где можно оказать реальную помощь множеству людей. Он выбрал свою стезю: вот истинное начало жизненного пути.

Джордж едет в типографию «Хорнимен и компания» заказывать рекламные листки. Подробно обсуждает расположение текста и шрифт с самим мистером Хорнименом – как профессионал с профессионалом. Через неделю он получает в свое распоряжение весь тираж – четыреста оповещений о выходе книги. Триста экземпляров он оставляет у себя в конторе, чтобы не выглядеть тщеславным, а сотню привозит домой. Бланк заказа предлагает

заинтересованным лицам присылать почтовым переводом 2 шиллинга 3 пенса (три пенса – на покрытие почтовых расходов) по адресу: 54, Ньюхолл-стрит, г. Бирмингем. Джордж вручает пачки листков родителям, чтобы те раздавали их перспективного вида «людям из поезда», мужчинам и женщинам. На следующее утро он презентует три экземпляра начальнику станции «Грейт-Уэрли – Чёрчбридж», а остальные сам раздает респектабельным попутчикам.

Артур

Мебель они сдали на товарный склад, а детей вверили заботам миссис Хокинс. Из туманного, сырого Лондона – в чистый, сухой и прохладный Давос, где Туи расположилась под кипой одеял в отеле «Курхаус». Как и предрекал доктор Пауэлл, ее недуг сопровождался непонятным оптимизмом; от этого Туи, по натуре безмятежная, держалась даже не стоически, а с душевным подъемом. Было предельно ясно, что в считаные недели произойдет ее превращение из жены и спутницы в беспомощную иждивенку, однако Туи не сетовала на свое состояние и тем более не впадала в бешенство, как повел бы себя Артур. Тот бесился за двоих, но молча и в одиночку. При этом ему удавалось скрывать самые мрачные мысли. Каждое безропотное покашливание Туи пронзало его болью; когда у нее в мокроте появилась кровь, угрызения совести стали нестерпимыми.

Какова бы ни была степень его вины и небрежения, пути назад не было; ему оставался единственный образ действий: беспощадная атака на треклятую бациллу, разъедавшую Туи изнутри. А когда его присутствия не требовалось, ему оставался единственный вид отдыха: беспощадные физические нагрузки. В Давос он захватил купленные в Норвегии лыжи и стал брать уроки у двух братьев по фамилии Брангер. Когда их ученик приобрел навыки, сопоставимые со своей зверской решимостью, они устроили ему испытание на склоне горы Якобсхорн; с вершины он увидел далеко внизу приспущенные городские флаги. В ту же зиму, но несколько позднее Брангеры повели его на Фуркапасс, расположенный на высоте без малого двух с половиной километров. Выдвигаться пришлось в четыре часа утра, чтобы к полудню добраться до Арозы; таким образом, Артур стал первым англичанином, преодолевшим альпийский перевал на лыжах. В местной гостинице Тобиас Брангер зарегистрировал всех троих. В графе «род занятий» против имени Артура он написал: *Sportesmann.*

Альпийский воздух, лучшие врачи, свобода в денежных средствах, помощь Лотти, взявшей на себя обязанности сиделки, и настойчивость Артура в борьбе с дьяволом – все это способствовало стабилизации, а затем и улучшению состояния Туи. В конце весны она окрепла настолько, что ей разрешили вернуться в Англию; у Артура появилась возможность уехать в рекламный тур по Америке. Следующей зимой они вернулись в Давос. Первоначальный приговор сроком в три месяца был опровергнут; доктора в один голос подтверждали, что здоровье пациентки теперь внушает куда меньше опасений. Третью зиму Артур и Туи провели в пустыне близ Каира, поселившись в отеле «Мена-хаус» – невысоком белом строении, за которым в отдалении маячили пирамиды. Артур с раздражением вдыхал колючий воздух, но успокаивался игрой на бильярде, а также партиями в теннис и гольф. Ему светили ежегодные зимние ссылки, каждая чуть длиннее предыдущей, а после… Нет, он не позволял себе загадывать дальше весны, дальше лета. Хорошо еще, что в этих неустроенных гостиничных буднях, в переездах по морю и по железной дороге Артур умудрялся писать. А когда ему не работалось, он шел в пустыню и колотил битой по мячу, отправляя его как можно дальше. В сущности, это песчаное поле для гольфа представляло собой один необъятный песчаный бункер; куда ни попадешь – все едино. Такой же, по всей видимости, сделалась и его жизнь.

Однако в Англии судьба свела его с Грантом Алленом: подобно Артуру, тот был писателем; подобно Туи – легочным больным. Он заверил Артура, что для борьбы с недугом вовсе не обязательно уезжать в ссылку, и в качестве живого доказательства предъявил самого себя. Разгадку дал его адрес: Хайндхед, графство Суррей. Деревня на Портсмутском тракте – как оказалось, на полпути между Саутси и Лондоном. Что важно: ее отличал уникальный микроклимат. Это была возвышенная, защищенная от ветров местность, сухая, лесистая, с песчаными почвами. Ее называли суррейской Швейцарией.

Артура не пришлось долго убеждать. Он жаждал деятельности и насущных планов, не терпел промедлений и опасался пустоты, неизбежной во время любой ссылки. Хайндхед предлагал решение всех вопросов. Оставалось купить землю и заказать проект особняка. Артур подыскал участок площадью в четыре акра, поросший елями, уединенный, спускавшийся к небольшой долине. Поблизости находились возвышенность Гиббет-Хилл и впадина «Чертова ступа»; на расстоянии пяти миль, в Хэнкли, располагалось поле для гольфа. Артура обуревали идеи: предусмотреть бильярдную, и теннисный корт, и конюшню; обустроить жилье для Лотти, а возможно, и для миссис Хокинс, и, конечно, для Вуди, с которым был заключен бессрочный контракт. Особняк должен быть внушительным и в то же время приветливым, как и положено дому именитого писателя, но вместе с тем удобным для всей семьи и для больной женщины. Пусть в нем будет много света, а из комнаты Туи пусть открывается самый лучший вид. Каждая дверь пусть будет оснащена электрической кнопкой – когда-то Артур пытался подсчитать, сколько времени человечество тратит на возню с обычными дверными ручками. Вполне возможно установить здесь собственный электрогенератор; а учитывая, что владелец особняка достиг определенного уровня, здесь будет уместен витраж с изображением фамильного герба.

Набросав план, Артур вручил его архитектору. Причем не первому попавшемуся, а самому Стэнли Боллу, его старинному знакомцу-телепату из Саутси. Те ранние эксперименты по передаче мыслей на расстоянии он теперь счел неплохой разминкой. Из Давоса, куда придется в очередной раз вывезти Туи, можно будет поддерживать с Боллом почтовую, а то и телеграфную связь. Но кто знает, добьются ли они архитектурного единомыслия, если физически окажутся за сотни миль друг от друга?

Витражное окно хорошо бы сделать во всю высоту двухэтажного холла. В верхней части – английская роза, в нижней – шотландский чертополох, а по центру – вензель А. К. Д. Под ним – три уровня геральдических щитов. Первый уровень: Перселлы Фоулкс-Ротские, Пэки Килкеннийские, Махоны Шивернийские. Второй уровень: Перси Нортумберлендские, Батлеры Ормондские, Коклафы Тинтернские. И на уровне глаз: Конаны Бретонские (горизонтальная перекладина на серебряном фоне и красный лев на задних лапах, со сменой тинктуры), Хокинсы Девонширские (дань происхождению Туи) и, наконец, герб Дойлов: три оленьи головы и ольстерская красная рука. Изначально девиз Дойлов гласил: *Fortitudine Vincit;* но здесь, под геральдическим щитом, Артур расположил другой вариант: *Patientia Vincit*. Это и будет ответом нового дома всему миру и треклятой бацилле: побеждает терпение.

Стэнли Болл и его строители видели одно лишь нетерпение. Устроив себе штаб-квартиру в ближайшей гостинице, Артур то и дело приезжал на строительную площадку и донимал всех. Но в конце концов особняк приобрел узнаваемые очертания: длинная, как сарай, постройка из красного кирпича со множеством изразцов и тяжеловесными фронтонами стянула узкую часть долины. Стоя на новенькой террасе, Артур окидывал хозяйским глазом широкую, только что раскатанную и засеянную лужайку. За ней участок острым клином уходил вдаль и терялся в лесу. Зрелище было магическое: Артуру оно сразу напомнило какую-то германскую сказку. Оставалось только высадить здесь рододендроны.

На торжественное открытие витража Артур привез с собой Туи. Она обвела глазами цвета, имена, а потом остановила взгляд на девизе дома.

– Матушка будет довольна, – заметил Артур. И только мимолетная пауза, предшествовавшая улыбке жены, заронила в его душу сомнение. – А ведь ты права, – спохватился он, хотя она не произнесла ни слова.

Ну не болван ли он? Как можно было, увековечивая свою блистательную генеалогию, забыть о родословной собственной матери? На мгновение Артуру захотелось приказать рабочим тут же размонтировать эти стекла, будь они неладны. Затем, после виноватых размышлений, он заказал еще один, более скромный витраж для лестничной клетки. В его центральной части предполагалось расположить упущенный герб с именем рода: Фоули Вустерширские.

Свои владения он решил назвать «Подлесьем» (в знак нависающих древесных крон), дабы придать современной постройке элегантный англо-саксонский колорит. Жизнь здесь можно было вести как раньше, только с оглядкой и в ограниченных пределах.

Жизнь. Как легко слетало у всех с языка – в том числе и у него – это слово. Жизнь должна продолжаться, с этим никто не спорит. И лишь немногие задаются вопросами: а что есть жизнь, и почему она есть, и единственная ли она – или это всего лишь амфитеатр, ведущий в совершенно иные пределы. Артура нередко озадачивала легкость, с которой люди относятся к тому, что привычно именуют своей… своей жизнью, будто отчетливо понимают и само слово, и его обозначаемое.

Его старинный друг из Саутси, генерал Дрейсон, уверовал в спиритуалистские доводы после того, как с ним во время сеанса заговорил покойный брат. С той поры астроном утверждал, что жизнь после смерти – это не предположение, а доказуемый факт. Поначалу Артур вежливо спорил, но до конца года в его списке «Читать обязательно» появилось семьдесят четыре источника на темы спиритуализма. Он проработал все и даже выписал для себя особо понравившиеся фразы и максимы. Как, например, вот это, из Гелленбаха: «Бывает такой скепсис, который своим идиотизмом превосходит даже тупость деревенского увальня».

Пока Туи не заболела, у Артура было все, что, по мнению света, приносит мужчине удовлетворение. Однако при этом он не мог избавиться от чувства, что его успехи – это не более чем тривиальное, показное начало; что создан он для чего-то другого. Но для чего? Он вернулся к изучению религий мира, но каждая оказывалась ему тесна, как детский костюм. Вступив в члены Ассоциации рационалистов, он счел ее деятельность небесполезной, хотя и разрушительной по своей сути, а потому бесплодной. Для прогресса человечества требовалось низвержение прежних верований, однако теперь, когда эти обветшалые здания сровнялись с землей, где может отдельно взятый человек укрыться на этом искореженном ландшафте? Неужели у кого-то хватало легковерия считать, что история той сущности, которую человечество миллионы лет по уговору называло душой, близка к своему окончанию? Человеческие существа будут развиваться и впредь, а вместе с ними неизбежно будет развиваться и то, что у них внутри. Это понимает даже деревенский увалень-скептик.

Неподалеку от Каира, пока Туи полной грудью вдыхала воздух пустыни, Артур осматривал гробницы фараонов и читал книги по истории египетской цивилизации. Он заключил, что древних египтян, которые безусловно подняли науку и искусство на новый уровень, отличало примитивное во многих отношениях мышление. Особенно в вопросах отношения к смерти. Их традиция любой ценой сохранять мертвое тело – старое, выношенное одеяние, некогда укрывавшее душу, – была даже не смехотворной: она была сугубо материалистической. А чего стоили эти корзины с провизией, помещаемые в гробницы, дабы в процессе своего перемещения душа утоляла голод. Возможно ли, что у тех людей, столь разносторонних, был такой выхолощенный ум? Вера, подкрепленная материализмом: двойное прокля-

тие. И то же самое проклятие отравляло все последующие народы, попадавшие под власть духовенства.

Тогда, в Саутси, Артур счел доводы генерала Дрейсона несостоятельными. Но теперь к признанию паранормальных явлений склонялись маститые, кристально честные ученые: Уильям Крукс, Оливер Лодж и Альфред Рассел Уоллес. Одно перечисление этих имен означало, что великие физики и биологи, лучше других понимающие естественный мир, стали вместе с тем нашими проводниками в мир сверхъестественного.

Взять хотя бы Уоллеса. Сооткрыватель сегодняшней теории эволюции, он стоял бок о бок с Дарвином, когда на заседании Линнеевского общества они делали совместный доклад на тему естественного отбора. Боязливые и недалекие тогда заключили, что Уоллес и Дарвин ввергли человечество в безбожную, механистическую бездну и бросили в потемках на произвол судьбы. Но если вдуматься: какого мнения придерживался сам Уоллес? Этот крупнейший деятель современной науки утверждал, что естественный отбор ответствен только за развитие человеческого организма, но в сам процесс эволюции на каком-то этапе безусловно произошло вмешательство свыше: именно тогда грубому развивающемуся животному было даровано пламя Духа. И кто после этого посмеет заявить, что наука – враг души?

Джордж и Артур

Тьму холодной и ясной февральской ночи прорезал полумесяц, окруженный небесной россыпью звезд. Вдалеке, у горизонта, четко вырисовывались отвалы уэрлийских шахт. Поблизости находилась ферма Джозефа Холмса: дом, хлев, надворные постройки – нигде ни огонька. Люди спали; даже птицы еще не проснулись.

Но кобылу разбудило появление в дальнем конце лужайки какого-то человека, пробравшегося сквозь лаз в живой изгороди. У пришельца через руку была переброшена торба. Понимая, что лошадь уже начеку, он остановился и тихо заговорил. Слова лились бессмысленным потоком; важен был тон: спокойный, ласковый. Через пару минут человек начал потихоньку двигаться. Но стоило ему сделать несколько шагов, как лошадь дернула головой, да так, что грива взметнулась мутным пятном. Человек опять замер.

При этом он, не сводя глаз с лошади, по-прежнему нес всякую бессмыслицу. Земля ночью промерзла, и ботинки не оставляли следов. Продвигался он медленно, по нескольку шагов зараз, и останавливался, как только лошадь начинала проявлять хоть малейшие признаки беспокойства. Держался он прямо, в полный рост, не таясь. Переброшенная через руку торба была второстепенной деталью. Куда важнее оказались спокойные и настойчивые ноты в голосе, уверенность в движениях, пристальный взгляд, мягкие повадки.

Таким манером он и пересек лужайку, на что ушло минут двадцать. А потом, не сводя глаз с лошади, остановился уже в считаных ярдах от стойла. Все так же: в полный рост, без резких движений, бормоча неизвестно что, пристально глядя перед собой, выжидая. И в конце концов случилось то, что ему требовалось: вначале неохотно, а потом решительно лошадь опустила голову.

Даже сейчас посторонний обошелся без резких движений. Постояв минуту-другую, он преодолел последние ярды и любовно повесил торбу на лошадиную шею. Животное не поднимало головы; человек, безостановочно бормоча, стал его гладить. Потрепал гриву, затем бока, спину; временами он просто задерживал руку в неподвижности, чтобы только продлить касания.

Все так же, поглаживая теплую кожу и бормоча, мужчина снял с лошадиной шеи торбу и повесил себе на плечо. Все так же, поглаживая теплую кожу и бормоча, полез за пазуху. Все так же, поглаживая теплую кожу и бормоча, обнял животное за шею одной рукой, а другую завел под конское брюхо.

Лошадь едва заметно вздрогнула; человек умолк и в этой новой тишине размеренно зашагал назад, к лазу в живой изгороди.

Джордж

Каждое утро Джордж выезжает в Бирмингем самым ранним поездом. Расписание он выучил назубок и полюбил. Уэрли-Чёрчбридж – 7:39. Блоксвич – 7:48. Бёрчхиллз – 7:53. Уолсолл – 7:58. Бирмингем, Нью-стрит – 8:35. У него больше не возникает потребности спрятаться за газетой; более того, ему порой кажется, что кое-кто из попутчиков узнает в нем автора издания «Железнодорожное право для „человека из поезда“» (продано 237 экземпляров). Он приветствует контролеров и дежурных по вокзалу; те салютуют ему в ответ. У него нынче респектабельные усы, портфель, скромные часы с цепочкой, а в дополнение к шляпе-котелку на летний период прикуплено канотье. Имеется и зонт. Этим последним приобретением он особенно горд и нередко берет его с собой назло барометру.

В вагоне Джордж читает газету и пытается сформировать собственное мнение о событиях всемирового масштаба. В прошлом месяце мистер Чемберлен выступил в бирмингемской ратуше с важной речью на тему колоний и льготных тарифов. Джордж занимает позицию сдержанного одобрения (хотя его мнением пока никто не интересуется). В следующем месяце граф Робертс Кандагарский должен получить почетное гражданство – ни один человек в здравом уме не станет оспаривать эту привилегию.

Из газеты он узнает и другие новости, более тривиальные, местного значения: близ Уэрли вновь полоснули домашнее животное. У Джорджа возникает мимолетный вопрос: каким разделом уголовного права предусмотрена ответственность за подобные деяния: следует ли квалифицировать их как уничтожение частной собственности, согласно Закону о краже, или же существуют какие-либо другие законодательные акты, где прописаны конкретные виды животных? Его радует, что трудится он в Бирмингеме и жить будет там же – это лишь дело времени. Понятно, что нужно будет объявить о своем решении, переступив через отцовское недовольство, мамины слезы и молчаливое, а от этого еще более мучительное отчаяние Мод.

Сегодня утром, по мере того как луга, испещренные стадами, уступают место аккуратным пригородам, Джордж ощущает заметный прилив бодрости. Много лет назад отец сказал, что фермерские сыновья и батраки – это смиренные земли: их любит Господь, они наследуют землю. Ну не все же без разбору, проносится в голове у Джорджа, и отнюдь не в соответствии с теми правами наследования, которые ему известны.

С ним в вагоне часто едут школьники, по крайней мере до Уолсолла, где находится классическая гимназия. Своей гимназической формой, даже одним своим присутствием они порой напоминают Джорджу о тех жутких временах, когда его обвинили в краже ключа от дверей этого учебного заведения. Но то – дело прошлое, а нынешние гимназисты в большинстве своем держатся вполне уважительно. Одна группка уже примелькалась; вслушиваясь в их болтовню, Джордж запоминает фамилии этих мальчиков: Пейдж, Гаррисон, Грейторекс, Стэнли, Ферридей, Куибелл. Через три-четыре года совместных поездок они уже кивают ему при встрече.

В доме номер пятьдесят четыре по Ньюхолл-стрит значительная часть времени уходит на оформление сделок с недвижимостью; один опытный законник сказал, что в этой работе «нет места воображению и свободному полету мысли». Такая пренебрежительная оценка ничуть не смущает Джорджа; ему этот род деятельности видится конкретным, ответственным и необходимым. Помимо всего прочего, он оформил несколько завещаний, а в последнее время клиентура его расширилась в связи с публикацией «Железнодорожного права». У одного потерян багаж, у другого без видимой причины опоздал поезд, а некая

дама, поскользнувшись и упав на станции Сноу-Хилл, получила растяжение запястья, и все из-за того, что железнодорожник по халатности разлил возле локомотива масло. Несколько случаев было связано с транспортными происшествиями. У него создается впечатление, что житель Бирмингема подвергается куда большему риску попасть под колеса велосипеда, автомобиля, конного экипажа, трамвая и даже поезда, чем можно себе представить. Не исключено, что в скором времени именно Джорджа Эдалджи, дипломированного поверенного, будут вызывать на место происшествия всякий раз, когда человеческое тело пострадает от чьего-либо безрассудного управления транспортным средством.

Поезд в обратном направлении отбывает от платформы вокзала Нью-стрит в 17:25. В этот час школьники – редкие пассажиры. Вместо них в вагон порой набивается более многочисленный и неотесанный контингент, вызывающий у Джорджа неприязнь. В его сторону то и дело летят совершенно неуместные ремарки: насчет отбеливателя, насчет забывчивости его матери, которая не пользуется карболкой, а также вопросы о том, спускался ли он сегодня в забой. Обычно он игнорирует эти выпады, но если какой-нибудь желторотый грубиян совсем уж распоясается, Джордж, вероятно, не преминет напомнить, с кем тот имеет дело. Сам он не из храбрецов, но в подобных случаях держится на редкость спокойно. Он знает английские законы и уверен, что в случае чего сможет на них рассчитывать.

Бирмингем Нью-стрит, 17:25. Уолсолл, 17:55. По неизвестным Джорджу причинам этот поезд минует Бёрчхиллз без остановки. Далее Блоксвич, 18:02; Уэрли-Чёрчбридж, 18:09. В 18:10 он кивком приветствует начальника станции мистера Мерримена (и при этом нередко вспоминает, какое решение вынес его честь судья Бэкон, когда в 1899-м суд графства Блумсбери рассматривал дело о незаконном удержании просроченных сезонных билетов) и, повесив зонт на левое запястье, шагает к дому.

Кэмпбелл

За два года, истекшие со времени назначения инспектора Кэмпбелла в полицейское управление Стаффордшира, ему пару раз доводилось встречаться с капитаном Энсоном, но в Грин-Холл его не вызывали ни разу. Дом главного констебля стоял на окраине города, среди заливных лугов на дальнем берегу реки Соу, и слыл самым большим жилым особняком от Стаффорда до Шагборо. Ступая по гравию подъездной аллеи, отходящей от Личфилд-роуд, и видя постепенно открывающиеся размеры Холла, Кэмпбелл невольно задавался вопросом, какую же площадь тогда занимает «Шагборо» – особняк, принадлежащий старшему брату капитана Энсона. Сам главный констебль, будучи только лишь вторым сыном, вынужденно довольствовался этим скромным побеленным жилищем: три этажа, фасад в семь или восемь окон, внушительный портик с четырьмя колоннами. По правую руку виднелась терраса, дальше – заглубленный розарий, а за ним беседка и теннисный корт.

Все это Кэмпбелл отметил, не замедляя шага. Дверь отворила горничная, и он попытался на время забыть о своих естественных профессиональных привычках: оценивать возможный уровень неподкупности и доходов обитателей дома, запечатлевать в памяти предметы, которые в первую очередь прихватывают воры, а в отдельных случаях – еще и те, что, по всей вероятности, уже прошли через воровские руки. Напустив на себя равнодушный вид, он тем не менее отметил и полированное красное дерево, и облицованные белыми панелями стены, и причудливую вешалку в прихожей, а справа – лестницу с оригинальными витыми балясинами.

Его провели в комнату слева от входа. Вероятно, кабинет Энсона: по обе стороны камина стоят кожаные кресла с высокими спинками, над камином нависает голова убитого лося или оленя. Какого-то сохатого, одним словом; Кэмпбелл на охоту не ездил, да и не имел такого желания. Вырос он в Бирмингеме и не по своей воле подал рапорт о переводе: его

жена, устав от городской суматохи, затосковала о размеренной жизни на просторах своего детства. Всего-то пятнадцать миль, но для Кэмпбелла это было равносильно ссылке в другую страну. Местные господа от тебя нос воротят, фермеры живут замкнуто, шахтеры и кузнецы – та еще публика, мягко говоря. Всякие смутные представления о романтике сельской жизни очень быстро развеялись. А отношение к полиции здесь, похоже, было еще хуже, чем в городе. Он уже потерял счет эпизодам, когда оказывался пятой спицей в колеснице. Допустим, совершено преступление, о нем даже заявлено в полицию, но жертвы демонстративно склоняются к собственному понимаю правосудия, а не к тому, что навязывает им какой-то прощелыга в костюме-тройке и шляпе-котелке, от которых за версту несет городским духом.

Семенящей походкой в комнату вошел Энсон, протянул руку посетителю и пригласил его садиться. Хозяин дома, одетый в двубортный костюм, был невысок ростом и крепко сбит, лет сорока пяти. Ни у кого еще Кэмпбелл не видывал столь аккуратных усов: они казались продолжениями крыльев носа и точно вписывались треугольником в пространство над верхней губой, как будто были приобретены по каталогу после скрупулезнейших замеров. Галстук скрепляла золотая булавка в форме стаффордширского узла, возвещавшего миру и без того известную истину: капитан, достопочтенный Джордж Огастес Энсон, главный констебль с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, заместитель председателя Совета графства по делам территориальной армии с тысяча девятисотого, – до мозга костей патриот Стаффорда. Кэмпбелл, полицейский-профессионал, принадлежавший к более молодому поколению служителей правопорядка, не мог взять в толк, почему начальником местной полиции должен быть единственный дилетант во всем подразделении; но не только это удивляло его в устройстве общества, которое базировалось скорее на замшелых предрассудках, нежели на современных представлениях. И все же Энсон пользовался уважением подчиненных и был известен тем, что не давал в обиду своих офицеров.

– Кэмпбелл, вы, наверное, уже догадались, в какой связи я вас вызвал.

– Полагаю, что в связи с нападениями на домашний скот, сэр.

– Именно так. Сколько у нас было эпизодов?

Эти данные Кэмпбелл отрепетировал так, что они от зубов отскакивали, но тем не менее полез за блокнотом.

– Второго февраля: ценной породы лошадь, принадлежавшая мистеру Джозефу Холмсу. Второго апреля: верховой жеребец, принадлежавший мистеру Томасу; зарезан точно таким же способом. Четвертого мая: корова из стада миссис Бангей – тем же способом. Еще через две недели, восемнадцатого мая: зверски искалечена лошадь мистера Бэджера; той же ночью – пять овец. Наконец, на прошлой неделе, шестого июня – две коровы, принадлежавшие мистеру Локьеру.

– И всегда в ночное время?

– Всегда в ночное время.

– Какие-нибудь отчетливые закономерности прослеживаются?

– Все нападения совершены в радиусе трех миль от Уэрли. И еще… не знаю, можно ли считать это закономерностью, но все случаи произошли на первой неделе месяца. Исключение только одно: восемнадцатое мая. – Чувствуя на себе взгляд Энсона, Кэмпбелл поторопился закончить. – При этом способ надреза в основных чертах неизменен.

– Неизменно мерзок, вне всякого сомнения.

Кэмпбелл поднял взгляд на главного констебля, чтобы понять, готов ли тот выслушать подробности. И принял молчание за неохотный знак согласия.

– У каждого животного было вспорото брюхо. Как правило, одним поперечным разрезом. А у коров… у коров к тому же изуродовано вымя. И вдобавок искромсаны… искромсаны половые органы, сэр.

– Такая бессмысленная жестокость по отношению к беззащитным живым тварям? Это выходит за рамки здравого смысла, вы согласны, Кэмпбелл?

Кэмпбелл решил не заострять внимания на том, что сверху на него глядит стеклянный глаз отрубленной головы – не то лося, не то оленя.

– Так точно, сэр.

– Значит, мы ищем некоего маньяка с ножом.

– Вряд ли это был нож, сэр. Я беседовал с ветеринаром, который засвидетельствовал более поздние случаи – лошадь мистера Холмса еще не рассматривалась как эпизод данной серии, – так даже он недоумевал по поводу орудия преступления. Оно, видимо, было чрезвычайно острым, но вместе с тем проникало только сквозь кожу и первый слой мышечной ткани, не дальше.

– Почему же это не нож?

– Потому, что нож – к примеру, мясницкий – проник бы глубже. Пусть даже в каком-нибудь одном месте. Нож выпустил бы кишки. В сущности ни одно животное не было убито непосредственно в момент нападения. Все либо истекли кровью, либо были обнаружены в таком состоянии, что их оставалось только забить.

– Если не нож, то что же это было?

– Нечто такое, что режет легко, но не глубоко. Вроде бритвенного лезвия. Но более прочное. Например, какой-нибудь инструмент кожевенника. Или орудие фермера. Как мне видится, этот человек знает подход к животным.

– Человек или люди. Злодей-одиночка или целая банда злодеев. Злодейское преступление. Вам доводилось сталкиваться с похожими случаями?

– В Бирмингеме – никак нет, сэр.

– Да, в самом деле. – Криво усмехнувшись, Энсон ненадолго умолк.

Тогда Кэмпбелл позволил себе задуматься о полицейских лошадях в конюшне Стаффорда: насколько те чутки и отзывчивы, насколько теплы, пахучи, ворсисты – так и хочется сказать «пушисты», как они прядают ушами и склоняют к тебе голову, как фыркают носом – будто чайник закипает. Что за отродье могло желать зла таким существам?

– Комиссар Барретт вспоминает относительно недавний случай, когда один подлец увяз в долгах и прирезал собственную лошадь, чтобы получить страховку. Но у нас целая серия… что-то в этом сквозит нездешнее. Конечно, в Ирландии подрезать среди ночи сухожилия хозяйской скотине – это, считай, традиционная забава. Но от фениев еще и не такого можно ожидать.

– Да, сэр.

– Этому надо срочно положить конец. Такие возмутительные злодеяния бросают тень на все графство.

– Так точно, в газетах…

– Плевать я хотел на газеты, Кэмпбелл. Меня волнует одно: честь Стаффордшира. Я не допущу, чтобы наше графство считали вотчиной дикарей.

– Конечно, сэр. – А про себя инспектор предположил, что шеф полиции наверняка ознакомился с последними редакционными статьями: все они носили резко негативный характер, а в отдельных случаях даже переходили на личности.

– Я бы посоветовал вам поднять сводки о преступлениях в Грейт-Уэрли и окрестностях за последние несколько лет. Были же… непонятные случаи. А еще советую вам объединить усилия с теми, кто досконально знает эту местность. Есть один весьма трезвомыслящий сержант… запамятовал его фамилию. Рослый, краснолицый…

– Аптон, сэр?

– Вот-вот, Аптон. Этот всегда держит ухо востро.

– Слушаюсь, сэр.

– А я в свою очередь прикомандирую сюда пару десятков специально обученных констеблей-добровольцев. Они поступят в распоряжение сержанта Парсонса.

– Двадцать человек!

– Двадцать человек – и к черту экономию. Если потребуется, все расходы покрою из своего кармана. Мне нужно, чтобы констебли караулили под каждой изгородью, за каждым кустом, пока злодей не будет схвачен.

Кэмпбелла мало волновали расходы. Он не понимал, как можно скрыть прибытие двадцати специальных констеблей, если в деревне слухи разносятся быстрее, чем по телеграфным проводам. Двадцать специально обученных людей, в большинстве своем незнакомых со здешними условиями, против одного местного, который просто-напросто отсидится дома, смеясь над этими чужаками. И потом, какое количество скота способны защитить два десятка констеблей-добровольцев? Сорок голов, шестьдесят, восемьдесят? А сколько всего голов скота в округе? Сотни, если не тысячи.

– Еще вопросы есть?

– Никак нет, сэр. Вот только… можно вопрос, не относящийся к делу?

– Спрашивайте.

– Портик этого дома. С колоннами. Как они называются? Вернее, как называется этот стиль?

По лицу Энсона было видно, что ни один кадровый офицер еще не задавал ему подобных вопросов.

– Колонны? Понятия не имею. Это по части моей супруги.

В течение нескольких дней Кэмпбелл изучал сводки преступлений, совершенных в деревне Грейт-Уэрли и ее глухих окрестностях. Ничего нового для себя он не обнаружил. Кражи, преимущественно хищения скота; нанесение разного рода телесных повреждений; несколько эпизодов пьянства в общественных местах и бродяжничества; одна попытка самоубийства; обвинительный приговор девушке за оскорбительные надписи на стенах фермерских построек; пять случаев поджога лесных угодий; письма с угрозами, а также несанкционированные доставки товаров на имя приходского священника; одна попытка развратных действий и два случая непристойного поведения. Насколько удалось выяснить, за последние десять лет нападений на животных не было.

Да и сержант Аптон, прослуживший в этих краях два десятка лет, не припоминал ничего похожего. Но заданный вопрос, к слову сказать, навел его на мысли об одном фермере, который уже отправился в лучший (а скорее, в худший, сэр) из миров, но был известен нежной привязанностью к своей гусыне; вы меня понимаете? Кэмпбелл пресек эти деревенские сплетни; он быстро распознал в Аптоне осколок тех времен, когда на службу в полицию с распростертыми объятиями принимали, считай, кого угодно, за исключением откровенно хромых, обездвиженных и полоумных. Аптона можно было расспросить насчет местных слухов и свар, но доверять такому не стоило, даже если бы он положил руку на Библию.

– Стало быть, вы уже сами дознались, сэр? – прохрипел сержант.

– У вас есть для меня конкретные сведения, Аптон?

– Да вроде бы нету. Но мы же с вами заодно. Велено поймать – поймаем. Не сомневаюсь, вы с этим делом разберетесь в наилучшем виде, инспектор. Недаром вы в Бирмингеме служили. Управитесь в наилучшем виде.

В Аптоне Кэмпбелл видел смесь хитрости, подобострастия и необъяснимой враждебности. Точно так же вели себя и некоторые батраки. Кэмпбеллу легче было разговаривать с бирмингемскими ворами – те, по крайней мере, врали в открытую.

Утром двадцать седьмого июня инспектор получил вызов на Куинтонскую шахту, где ночью изувечили двух ценных лошадей. Жеребец издох от потери крови, а кобылу, которой нанесли дополнительные увечья, пришлось забить в присутствии инспектора. Ветеринар

подтвердил, что надрезы были сделаны тем же орудием – или, во всяком случае, точной копией прежнего.

Через два дня сержант Парсонс принес Кэмпбеллу письмо, адресованное «Сержанту полицейского участка, Хеднесфорд, Стаффордшир». Отправлено оно было из Уолсолла и подписано неким Уильямом Грейторексом.

С виду я сорвиголова, бегаю быстро и когда в Уэрли сколотили банду, меня туда втянули. С лошадьми и другой скотиной я обращаться умею, знаю как с ними расправляться. Мне сказали чтоб не увиливал, если жить хочу вот я и согласился, подошел без десяти минут три ночи, когда они обе лежали, но тут они проснулись и я каждой чикнул по брюху, но надрез почти не кровил и одна убежала, а вторая упала. Теперь расскажу, кто входит в эту банду, но без меня вы ничего не докажете. Одного фамилия Шиптон, живет в Уэрли, другой – носильщик, фамилия Ли, но этому пришлось отъехать и еще Эдалджи, стряпчий. Я покамест не сказал кто стоит за ними и не скажу, покуда не получу от вас гарантии, что мне ничего не будет. Неправда, что мы выходим на дело только в новолуние, Эдалджи орудовал 11 апреля, когда была полная луна. Я за решеткой не бывал и вроде как остальные кроме Капитана тоже, так что они наверняка отделаются легким испугом.

Кэмпбелл перечитал письмо. «Я каждой чикнул по брюху, но надрез почти не кровил, и одна убежала, а вторая упала». Похоже, осведомленность полная, но с другой стороны, изувеченных животных видело много народу. После двух недавних случаев полицейским пришлось даже оцепить место преступления, чтобы ветеринар смог завершить осмотр. И все же: «без десяти минут три ночи»… поразительно точное указание на время.

– Нам известно, кто такой этот Грейторекс?

– Вероятно, сын мистера Грейторекса, хозяина фермы «Литтлуорт».

– У него были приводы в полицию? Были причины обратиться с письмом в Хеднесфорд к сержанту Робинсону?

– Ни того ни другого.

– А при чем тут фазы Луны?

Сержант Парсонс, плотный, черноволосый, имел обыкновение в задумчивости шевелить губами.

– Люди всякое болтают. Новолуние, мол, языческие обряды и все такое прочее. Затрудняюсь сказать. Но точно знаю: одиннадцатого апреля на скотину никто с ножом не нападал. Неделю спустя – да, было дело, если ничего не путаю.

– Не путаете.

Инспектору сержант Парсонс импонировал куда больше, чем какой-нибудь Аптон. У Парсонса, человека нового поколения, и выучка была не в пример лучше; пусть несколько медлителен, зато вдумчив.

Уильям Грейторекс оказался четырнадцатилетним школяром; почерк его даже близко не стоял к доставленному в полицию письму. Ни о Ли, ни о Шиптоне он слыхом не слыхивал, но сообщил, что Эдалджи немного знает: по утрам они с ним иногда ездят в одном вагоне. В полицейский участок Хеднесфорда его никогда не заносило; как фамилия тамошнего начальника, сержанта, он понятия не имеет.

Парсонс вместе с пятью констеблями-добровольцами провел обыск на ферме «Литтлуорт», включая все надворные постройки, но не нашел никаких особым образом заточенных режущих инструментов, не говоря уже о предметах, сохранивших следы крови или недавно оттертых дочиста. После обыска Кэмпбелл спросил сержанта, что тому известно о Джордже Эдалджи.

– Да как вам сказать, сэр, он ведь индус, правильно я понимаю? Ну, то есть полукровка. Росточку небольшого. С виду чудной какой-то. Стряпчий, живет с родителями, каждый день ездит в Бирмингем. В деревне ни с кем не общается – ну, сами понимаете.

– Значит, о его принадлежности к банде ничего не известно?

– Об этом и речи нет.

– Друзья?

– Неизвестно. Семья у них сплоченная. Думается мне, сестра у него какая-то пришибленная. То ли больная, то ли малость не того, кто ее разберет. А сам он, говорят, каждый вечер по закоулкам бродит. Кабы с собакой гулял, тогда понятно, только собаки у него нет. Несколько лет назад их семью прямо-таки затравили.

– Да, я проверял. Они дали какой-нибудь повод?

– Кто их знает… Когда викария назначили в здешний приход, кое-кто… роптал. Люди говорили: дескать, сам черный, а с амвона вещает, что все мы грешники – ну, как-то так. Но с тех пор много воды утекло. Сам-то я в церковь не хожу. У нас в молельном доме, я считаю, люди поприветливей.

– Этот малый… сын… как по-вашему, в нем можно заподозрить конского потрошителя?

Прежде чем ответить, Парсонс пожевал губы.

– Инспектор, я, с вашего позволения, так скажу. Вот прослу́жите здесь с мое – и поймете, что заподозрить нельзя никого. И если уж на то пошло, не заподозрить тоже никого нельзя. Понимаете меня?

Джордж

Почтальон предъявляет Джорджу конверт с официальным штемпелем: «Доплатное». Письмо пришло из Уолсолла, адрес и имя получателя выведены четко, аккуратно, поэтому Джордж решает доплатить. Это решение обходится ему в два пенса, что вдвое превышает стоимость отсутствующей марки. Ознакомившись с вложением, Джордж радуется: это заказ на «Железнодорожное право». Но почему-то ни денег, ни квитанции о почтовом переводе в конверте нет. А между тем отправитель запросил триста экземпляров на фамилию Вельзевул.

Через три дня на Джорджа вновь обрушивается лавина писем. В них – все то же, что и раньше: клевета, богохульство, психоз. Письма поступают на адрес его конторы: такое вторжение – это верх наглости: в конторе он обычно находит только спокойствие и уважение, здесь жизнь течет заведенным порядком. Первое письмо Джордж в порыве негодования выбрасывает; остальные складывает в нижний ящик стола, чтобы потом использовать в качестве улик. Он уже не тот мятущийся подросток из времен прежней травли; нынче он солидный человек, правовед с четырехлетним стажем. Может позволить себе не обращать внимания на такие пасквили, если сам того не хочет, или поступать с ними по своему разумению. А бирмингемские полицейские уж наверняка не страдают, в отличие от стаффордширских коллег, косностью и апатией.

Как-то вечером, сразу после 18:10, Джордж с сезонным проездным билетом в кармане и с зонтиком на согнутой руке вдруг ощущает постороннее присутствие: на ходу к нему пристроилась сбоку какая-то фигура.

– Как наши делишки, уважаемый?

Это Аптон; еще краснее лицом и толще, чем в прошлом, и, по всей видимости, еще глупее. Джордж не замедляет шага.

– Добрый вечер, – коротко отзывается он.

– Наслаждаемся жизнью, да? Крепко спим? – Прежде Джордж, наверное, встревожился бы, а может, даже остановился в ожидании вразумительных слов. Но теперь его голыми руками не возьмешь. – Лунатизмом, смею надеяться, не страдаем. – Тут Джордж сознательно ускоряет ход, чтобы сержант, держась рядом, пыхтел и отдувался. – Да только вот

ведь какая штука: вся округа наводнена специальными констеблями. Буквально наводнена. Так что даже со-ли-си-тор не решится разгуливать по ночам. – Не останавливаясь, Джордж бросает презрительный взгляд на этого пустого, шумливого фанфарона. – О да, со-ли-си-тор. Надеюсь, такая профессия придется вам очень кстати, уважаемый. Как говорится, кто предупрежден, тот вооружен, или наоборот.

Об этой сцене Джордж дома не рассказывает. У него есть более насущные заботы: с вечерней почтой доставили конверт из Кэннока, надписанный уже знакомым почерком. Письмо адресовано Джорджу; отправитель – «Поборник Справедливости»:

> Я тебя не знаю, но иногда вижу на вокзале и догадываюсь, что при знакомстве ты бы мне не понравился – туземцев не люблю. Но считаю, что каждый заслуживает справедливого обращения, а потому пишу тебе это письмо, поскольку не верю, что ты причастен к жестоким преступлениям, которые нынче у всех на устах. Люди в один голос заявили, что это твоих рук дело, ведь здесь тебя за своего не держат, а ты спишь и видишь, как бы отомстить. Вот полицейские и взялись за тобой следить, да только ничего не выследили и теперь пасут кое-кого другого… Но если будет зарезана еще одна лошадь, все укажут на тебя, так что уезжай-ка ты в отпуск и пересиди где-нибудь следующее происшествие. По расчетам полиции, случится оно в конце месяца, как и предыдущее. Уноси ноги, пока не поздно.

Джордж и бровью не ведет.

– Клевета, – бросает он. – Более того, *prima facie*[5] я бы усмотрел в этом распространение заведомо ложных сведений.

– Опять то же самое, – говорит его мать, и Джордж понимает, что она на грани слез. – Все сначала. Они не успокоятся, пока нас отсюда не выживут.

– Шарлотта, – твердо говорит Шапурджи, – об этом даже речи быть не может. Мы никогда не покинем приход, разве что отправимся вслед за дядюшкой Компсоном. И если Господу угодно, чтобы на пути к вечному покою мы страдали, то не нам ставить под сомнение волю Господа.

А ведь Джордж порой оказывается близок к тому, чтобы поставить под сомнение волю Господа. Например: за что страдает его мать, сама добродетель, которая у них в приходе оказывает вспомоществование всем обездоленным и больным? А если, как утверждает отец, все сущее во власти Господа, то и Стаффордское подразделение полиции со своим пресловутым бездействием тоже в Его власти. Но Джорджу становится все труднее заговорить об этом вслух; есть вещи, на которые даже намекнуть невозможно.

К нему также приходит понимание того, что в этом мире он ориентируется чуть лучше своих родителей. Хотя ему всего двадцать семь лет, работа бирмингемского стряпчего раскрывает перед ним такие стороны человеческой природы, которые не видны сельскому викарию. Поэтому, когда отец предлагает направить очередную жалобу начальнику полиции, Джордж не соглашается. Энсон и в прошлый раз был настроен против них; если кому и жаловаться, то инспектору, который ведет следствие.

– Вот к нему я и обращусь, – говорит Шапурджи.

– Нет, отец, думаю, это по моей части. Я буду говорить с ним напрямую. А если пойти вдвоем, он чего доброго решит, что к нему нагрянула делегация.

Викарий ошарашен, но доволен. Его радует, что сын проявляет мужские качества; пусть делает, как знает.

---

[5] С первого взгляда, по первому впечатлению *(лат.)*.

Джордж составляет прошение о личной беседе: желательно не в доме викария, а в любом полицейском участке по выбору инспектора. Кэмпбеллу видится в этом некоторая странность. Он выбирает Хеднесфорд и просит сержанта Парсонса поприсутствовать.

– Благодарю, что согласились на эту беседу, инспектор. Спасибо, что выкроили время. У меня в плане три пункта. Но для начала прошу вас принять вот это.

У Кэмпбелла, которому сейчас под сорок, рыжие волосы, верблюжья голова и удлиненная спина, отчего сидя он выглядит еще более рослым, чем стоя. Протянув руку через стол, инспектор подвигает к себе подарок, томик «Железнодорожного права для „человека из поезда“», и бегло перелистывает пару страниц.

– Двести тридцать восьмой экземпляр, – сообщает Джордж. Получается более самодовольно, чем ему хотелось.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр, но, к сожалению, устав полицейской службы запрещает принимать подарки от граждан. – Кэмпбелл щелчком отправляет книжку обратно через весь стол.

– Книга ведь не может расцениваться как подкуп, инспектор, – небрежно говорит Джордж. – Пусть она считается… новым поступлением в библиотеку, хорошо?

– В библиотеку. Есть у нас библиотека, сержант?

– Пожалуй, никогда не поздно ее завести, сэр.

– В таком случае, мистер Эйда-а-алджи, считайте, что я вам признателен.

У Джорджа закрадывается подозрение: не издеваются ли над ним эти люди?

– Моя фамилия читается «Э-э-эдл-джи». А не «Эйда-а-алджи».

– «Эйдл-джи». – Инспектор делает небрежную попытку и кривится. – Если не возражаете, я буду обращаться к вам «сэр».

Джордж прочищает горло.

– Пункт первый заключается в следующем. – Он протягивает инспектору письмо от «Поборника Справедливости». – Пять аналогичных писем доставили мне в контору.

Кэмпбелл читает, передает листок сержанту, забирает обратно, читает еще раз. Ему непонятно, что это такое: изобличение или поддержка. Или же первое, замаскированное под второе. Если это изобличение, кому придет в голову идти с ним в полицию? Если поддержка, зачем ею размахивать, покуда тебе официально не предъявлены обвинения? Мотивы Джорджа представляют для Кэмпбелла почти такой же нескрываемый интерес, как и это письмо.

– От кого оно – есть какие-нибудь соображения?

– Подпись отсутствует.

– Я заметил, сэр. Позвольте спросить: у вас есть намерение последовать совету доброжелателя? «Уезжай-ка ты в отпуск»?

– Послушайте, инспектор, мы, кажется, заходим не с того конца. Вы не считаете, что это письмо подпадает под статью одиффамации?

– Честно сказать, не знаю, сэр. Пусть ваша братия, юристы, решают, есть тут нарушение закона или нет. Как полицейский, могу предположить, что кто-то решил над вами позабавиться.

– Позабавиться? А вы не считаете, что такое письмо, будь оно предано гласности, со всеми обвинениями, которые якобы в нем отрицаются, натравит на меня местных батраков и шахтеров?

– Не знаю, сэр. Одно могу сказать: на моей памяти не было ни единого случая, чтобы подметное письмо вызвало в этих краях какие-либо нападки. А вы что скажете, Парсонс? – (Сержант мотает головой.) – А как вы трактуете вот эту фразу… где-то в середине… ага: «…ты ведь не тутошний»?

– А сами вы как ее трактуете?

– Мне, знаете ли, в свой адрес такого слышать не доводилось.

– Ну хорошо, инспектор, я «трактую» эту фразу как бесспорное указание на тот факт, что мой отец по национальности парс.

– Да, мне кажется, такое объяснение вполне вероятно. – Склонив рыжую голову над письмом, Кэмпбелл будто бы вникает в его содержание. А на самом деле он пытается сформировать у себя четкое мнение об этом человеке и его претензиях: кто он – банальный жалобщик? Или тут дело посложнее?

– Вероятно? Вероятно? Разве это может означать что-нибудь иное?

– Ну, это может означать, что вы не вписываетесь.

– То есть что я не играю в крикет за Грейт-Уэрли?

– А вы не играете, сэр?

Джордж начинает закипать от досады.

– И пива, между прочим, не пью.

– Не пьете, сэр?

– Если уж на то пошло, я и табак не курю.

– Не курите, сэр? Что ж, давайте запасемся терпением и выясним у отправителя, что он имел в виду. Когда… если… поймаем. Вы сказали, у вас есть еще вопросы?

Пункт второй у Джорджа в повестке дня – подать жалобу на сержанта Аптона в связи с его манерой обращения и инсинуациями. Вот только сейчас, когда эти инсинуации повторяет инспектор, они почему-то рассыпаются в прах. В устах Кэмпбелла они звучат как вымученные ремарки не слишком умного стража правопорядка, адресованные напыщенному и не в меру обидчивому жалобщику.

Джордж приходит в некоторое смятение. Он ожидал благодарности за справочник, возмущения по поводу письма, неравнодушия к сложившейся ситуации. Инспектор держится корректно, только соображает медленно; его подчеркнутая вежливость, по мнению Джорджа, мало чем отличается от грубости. Что ж, делать нечего, нужно переходить к третьему пункту.

– У меня есть предложение. Полезное для вашего расследования. – Джордж выдерживает точно рассчитанную паузу, чтобы завладеть безраздельным вниманием слушателей. – Ищейки.

– Что-что?

– Ищейки. У них, как вам наверняка известно, прекрасный нюх. Если вы обзаведетесь парой натасканных ищеек, они, сомнений нет, приведут вас от места следующего покушения непосредственно к преступнику. У ищеек поразительная способность брать след, а в наших краях, где нет ни широких ручьев, ни рек, преступнику трудно будет их обмануть.

Констебль не привык получать практические советы от рядовых граждан.

– Ищейки, – повторяет Кэмпбелл. – Причем сразу две. Напоминает бульварный детектив. «Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!» Тут Парсонс начинает давиться смехом, а Кэмпбелл и не думает его одернуть.

Вся встреча пошла насмарку, особенно третья часть, которую Джордж добавил от себя, даже не посоветовавшись с отцом. Как в воду опущенный, он уходит. Полисмены, стоя на крыльце, сверлят глазами его спину. До него доносится зычный голос сержанта:

– Ищеек, пожалуй, в библиотеку сдадим.

Эти слова преследуют Джорджа до самого дома, где он излагает родителям урезанную версию беседы. И принимает решение: даже если полицейские отвергнут его идею, он все равно не откажется с ними сотрудничать. В «Личфилд меркьюри» и в других газетах Джордж размещает объявление, где описывает новую волну подметных писем и обещает награду в двадцать пять фунтов стерлингов тому, чья информация поможет привлечь виновных к суду. Памятуя о том, что отцовское объявление многолетней давности только подлило масла

в огонь, он все же надеется, что посулы денежного вознаграждения сделают свое дело. В объявлении указано, что сам он – адвокат-солиситор.

Кэмпбелл

Пять дней спустя инспектора повторно вызвали в Грин-Холл. На этот раз он осмотрелся почти без смущения. Отметил про себя напольные часы, показывающие фазы Луны, эстамп на какой-то библейский сюжет, вытертый османский ковер и камин с поленьями, запасенными в преддверии осени. В хозяйском кабинете, уже почти не содрогаясь под стеклянным взглядом лося, Кэмпбелл рассмотрел переплетенные в кожу подшивки журналов «Филд» и «Панч». На комоде красовались три винных графина в замкнутой на ключ подставке и чучело большой рыбины в стеклянном футляре.

Капитан Энсон жестом предложил Кэмпбеллу кресло, а сам остался стоять; инспектор прекрасно знал, что к такой уловке зачастую прибегают коротышки в присутствии более статных собеседников. Но обдумать эту военную хитрость он не успел. На сей раз его начальник пребывал в скверном расположении духа.

– Этот субъект опять нам досаждает. Носит и носит письма от Грейторекса. Сколько их у нас накопилось?

– Пять, сэр.

– А вот это получил вчера вечером мистер Роули из Бриджтаунского участка. – Водрузив на переносицу очки, Энсон принялся читать вслух:

> Сэр,
>
> имярек, чьи инициалы вы легко угадаете, в среду вечером сядет в поезд, идущий из Уолсолла, и повезет домой новый крюк, спрятанный во внутреннем потайном кармане, и если вам или вашим ребятам удастся слегка раздернуть на нем пальто, вы сразу заметите эту штуковину, поскольку она на полтора дюйма длиннее прежней, которую он забросил подальше на косогоре, обнаружив сегодня утром за собой слежку. За выброшенной вещицей он придет часов после пяти-шести, а если не появится дома завтра, то уж в четверг точно, а вы опрометчиво отозвали своих людей в штатском. Рано вы их отправили восвояси. Подумать только: он избавился от улики вблизи того места, где несколько дней тому назад двое ваших лежали в засаде. Но, сэр, у него соколиный глаз, слух острый как бритва, ноги проворные, а поступь бесшумная, как у лисы, и ему ничего не стоит на четвереньках подкрасться к несчастным животным, по-быстрому приласкать, а потом ловко полоснуть крюком поперек брюха – бедняги даже взвыть не успевают, как у них кишки вываливаются на землю. Чтобы застукать его на месте преступления, вам понадобится 1000 сыщиков, потому что летает он мухой и знает все углы и норы. Вам известно, кто он такой, и я могу это доказать, но пока за привлечение его к суду не назначат награду в сотню фунтов, я больше стучать вам не буду.

Выжидая, Энсон смотрел на Кэмпбелла.

– Мои люди не видели, чтобы кто-либо выбрасывал хоть какой-нибудь предмет, сэр. И не находили ничего похожего на крюк. Может, этот имярек и вправду калечит животных таким вот способом, а может, и другим, но, как мы убедились, кишки у них на землю не вываливаются. Прикажете взять под наблюдение уолсоллские поезда?

– Неужели после этого письма здесь в разгар лета появится какой-нибудь тип в долгополом пальто, будто специально напрашиваясь на обыск?

– Непохоже, сэр. Как по-вашему, означенная сумма в сто фунтов стерлингов – это умышленный отклик на предложенное заявителем денежное вознаграждение?

– Весьма вероятно. Наглость неимоверная. – Помолчав, Энсон взял со стола еще один листок. – Но второе послание – сержанту Робинсону из Хеднесфорда – и того хуже. Вот, судите сами. – Энсон передал письмо подчиненному.

> Придет ноябрь – и настанут в Уэрли веселые деньки: на очереди маленькие девочки, потому как до наступления весны в округе почикают, что тех лошадей, ровно два десятка малолеток. Не надейтесь поймать тех, кто режет скотину; они не поднимают шума и будут часами хорониться в логове, пока вы не снимете посты… Мистер Эдалджи, которого, по слухам, на ночь запирают, в воскресенье вечером поедет в Бир-м и там близ Нортфилда встретится с Капитаном, чтобы обсудить, как дальше обстряпывать делишки под носом у толпы сыщиков, и сдается мне, вскорости будут прирезаны коровы, причем не ночью, а средь бела дня… А потом, чую, и в наших краях до скотины доберутся, и первыми на очереди станут фермы Кросс-Киз и Уэст-Кэннок… А коли ты, жирный гад, встанешь мне поперек дороги или надумаешь подбираться к моим дружкам, прострелю тебе тупую башку из ружья твоего родного папаши.

– Это плохо, сэр. Очень плохо. Такое письмо не стоит предавать огласке. Паника начнется в каждой деревне. «Два десятка малолеток…» Из-за домашнего скота люди и то всполошились.

– У вас есть дети, Кэмпбелл?

– Парень. И девочка, маленькая еще.

– Н-да. Единственное в этом письме обнадеживает: что некто грозится застрелить сержанта Робинсона.

– Это обнадеживает, сэр?

– Ну, быть может, самого сержанта Робинсона – не слишком. Но отсюда следует, что наш подопечный зарвался. Он угрожает убийством офицеру полиции. Внести это в обвинительное заключение – и мы обеспечим ему пожизненную каторгу.

Если сумеем найти этого писаку, подумал Кэмпбелл.

– Нортфилд, Хеднесфорд, Уолсолл – он пытается гонять нас из стороны в сторону.

– Несомненно. С вашего позволения, инспектор, я подведу итоги, а вы меня поправите, если найдете слабое звено в моих рассуждениях.

– Слушаюсь, сэр.

– У вас хорошие профессиональные задатки… нет, не спешите меня поправлять. – Из своего арсенала Энсон выбрал самую незаметную улыбку. – Профессиональные задатки у вас очень хорошие. Однако этому расследованию уже три с половиной месяца, из которых в течение трех недель вам подчинялся отряд специального назначения в составе двадцати констеблей-добровольцев. Но обвинения до сих пор не предъявлены, арестованных нет, даже подозреваемых, по существу, нет, и никаких проверок не проводилось. А между тем резня идет полным ходом. Пока все верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.